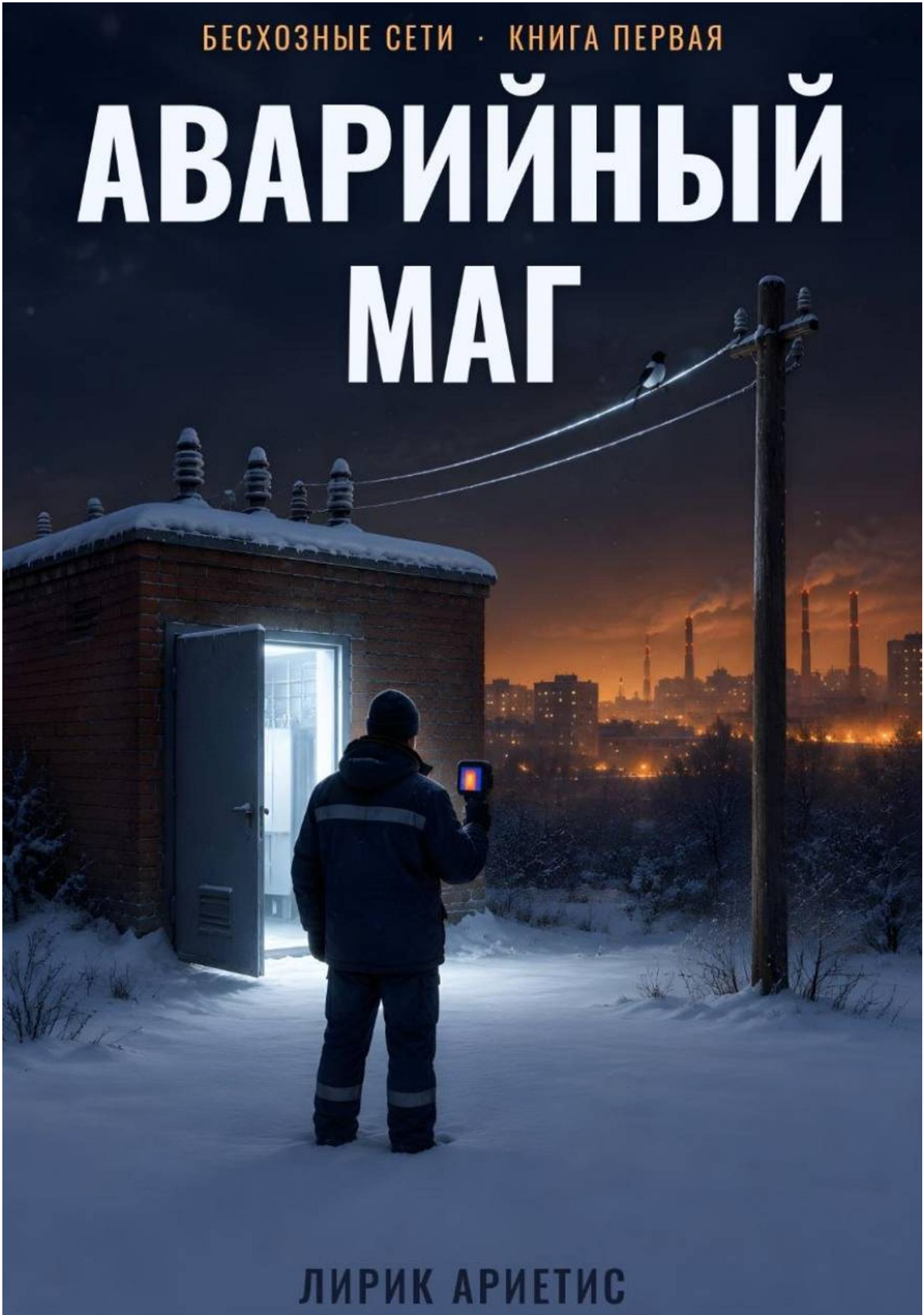
БЕСХОЗНЫЕ СЕТИ · КНИГА ПЕРВАЯ

АВАРИЙНЫЙ МАГ

ЛИРИК АРИЕТИС

Лирик Ариетис

Аварийный маг

«Автор»
2026

Ариетис Л.

Аварийный маг / Л. Ариетис — «Автор», 2026

Крутогорск живёт на эфире. Магия идёт по проводам, считается по счётчику и стоит в квитанции отдельной строкой. Марк Ильин — инженер аварийной бригады, по-простому «аварийный маг». Он знает городскую сеть лучше, чем собственную жизнь, и потому первым не верит в «износ», когда подстанции начинают гореть одна за другой.Отключение, пожар, пломба с чужим номером — и за чередой аварий проступает схема, в которой у каждого пожара есть заказчик. Чтобы остановить следующий, Марку придётся пойти против концессии, собственного начальства и подписи, которую он сам поставил шесть лет назад.Магический детектив. Первый том цикла «Бесхозные сети», дело закрыто в этой книге.

© Ариетис Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Акт I 5
Глава 1. Ночная смена 5
Глава 2. Солнечный 11
Глава 3. Пломба 18
Глава 4. Ферма 23
Глава 5. Концессия 29
Глава 6. Сомов 37
Глава 7. Отстранение 45
Акт II 52
Глава 8. ТП-4 52
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Лирик Ариетис
Аварийный маг

Акт I

Глава 1. Ночная смена

В субботу вечером на базе пахло разогретой едой, мокрой спецовкой и эфиром. Эфир пахнет озоном и горячей пылью, и замечаешь это, только когда он уходит, как и всё самое важное в жизни, включая тёщу и горячую воду.

Марк сидел на подоконнике в диспетчерской, пил чай из железной кружки с пластиковой крышкой и слушал, как Костя доказывает, что нормальный тепловизор закрыл бы половину выездов по телефону. Костя работал третий месяц и ездил на отцовской машине со снятым таксометром.

— Тепловизор тебе покажет, где тепло, — сказал Марк. — Врезку он не покажет. Тепло у нас везде: в подвале, в стене, в чайнике.

— Ну и что? Приборы для того и есть.

— Приборы нужны, чтобы не думать. А думать приходится, когда прибора нет. Ты найдёшь тепло и остановишься, потому что оно похоже на ответ. Ответы вообще любят прикидываться. А тепло — это след, а не причина. Сама причина будет рядом, в трёх градусах.

Костя обиделся и ушёл в мастерскую проверять инструмент, хотя проверял его утром и после обеда. Он был молод и ещё верил, что в этой работе можно полностью довериться оборудованию.

За окном снег шёл ровно и вежливо, как налоговая. На складе ГСМ горел один фонарь из четырёх: остальные три, видимо, уже всё про это место поняли. На проходной дремал охранник, и дремал убедительно, как человек, у которого это единственная профессиональная компетенция.

Где-то гремела музыка, где-то ругались соседи, где-то частники проводили плановые отключения, о которых забыли предупредить.

Алла Тимченко сидела за пультом и вязала. Лампочек на пульте было четыре: три зелёные и одна жёлтая. Жёлтая принадлежала ТП-9 в Солнечном и мигала уже неделю, с таким упорством, будто надеялась, что рано или поздно её заметят.

— Алла, что с девятой?

— Нагрузка растёт, — сказала она. — С вечера до полуночи. Я звонила частникам. Сказали: норма.

— А бумага?

— Какая бумага. — Она перевернула страницу журнала. — У них на всё есть бумага, а как до дела — телефон.

В бригаде нагрузку считали потоками, в квитанциях — эфир-часами: один поток — десять ЭЧ в час.

Жёлтая мигала через равные промежутки, и Алла за неделю привыкла смотреть мимо неё. В 21:47 она отложила вязание и сказала в рацию:

— ТП-9, фидер четвёртый. Запах горелого, жильцы звонят. Подъезд дымит.

Марк уже был в машине, когда она договорила.

Бригада выехала в 21:48, потому что Костя забыл ключ от шкафа с инструментом и вернулся за ним бегом, а Марк не стал ругаться: ругань отнимает время, а ключ всё равно нужен.

До Солнечного было двенадцать минут по прямой. В субботу вечером город ехал медленно и в основном не туда. В рации Алла перечисляла адреса: Тополиная, девять, корпус два, дом две тысячи одиннадцатого года, с подземным коллектором и рекламой управляющей компании на каждом подъезде.

— Наряд у нас есть? — спросил Костя с заднего сиденья.

— На всё есть наряд, — сказал Марк. — Кроме того, что нужно.

— Короче, я не понимаю, — сказал Костя. — Если частники экономят на защитах, почему у них аварий меньше?

— У них аварий не меньше. У них отчётов меньше.

— А разница?

— Разница в том, кто подписывает.

— А мы почему не экономим?

— Мы не концессия. У нас участок, три бригады и я.

За окном прошёл троллейбус, из-под колёс летела каша. В окне стояла женщина с сумками и смотрела в телефон. Марк вспомнил, что завтра в одиннадцать у Сони каток, а он обещал заехать сегодня. До конца дня оставалось два часа. Соня каталась плохо, держалась за бортик и злилась, но не отказывалась.

Солнечный начинался с рекламного щита: «Эфир — в каждый дом. Качество, которое видно». Щит подсвечивался, и на нём улыбалась семья с чайником. Чайник работал от эфира. Вся реклама концессии работала от эфира, включая подсветку щита.

На Тополиной горело не здание. Над подстанцией вспыхивало короткими жёлтыми разрядами, и от каждой вспышки снег на проводах становился виден. Из подъезда тянуло дымом, во дворе стояли люди в куртках поверх домашнего, кто-то держал кошку, кто-то — документы в пакете. Мороз был под двадцать, и люди переступали с ноги на ногу. Женщина в пуховике кричала в телефон: «Я не знаю, что говорить, они говорят, что не приедут». Пожарные только разворачивались, в подъезд ещё не заходили. Из темноты за дверью кто-то кричал.

— Маги приехали, — сказал кто-то во дворе, и никто не обернулся: все смотрели на подстанцию.

Марк вышел, и снег скрипнул под ботинками.

— Обесточь, — сказал он Косте. — Фидер четвёртый, рубильник в шкафу, ключ у тебя.

— А если...

— Если не обесточим, оно само обесточится. Вместе с домом.

Костя побежал к шкафу, поскользнулся и побежал дальше. Марк пошёл к подъезду: оттуда кричали.

В подъезде было темно и жарко. Дым шёл снизу, из коллектора, и в нём вспыхивали искры. На площадке второго этажа сидел мальчик лет девяти в клетчатой куртке и одной кроссовке. Вторую он потерял.

— Ты чего тут? — спросил Марк.

— Мама пошла за сумкой, — сказал мальчик. — Я жду.

— За какой сумкой?

— За сумкой. Там документы.

— Ждать будем на улице.

Мальчик говорил тихо и часто моргал, будто ему мешал свет, которого не было.

Марк взял его под мышки и понёс. Мальчик был лёгкий, но цеплялся за перила, и пришлось разжимать пальцы по одному. На площадке между первым и вторым этажом кабель шёл по стене, толстый, в старой изоляции; Марк взялся за него, чтобы не упасть: кабель под ладонью был горячий, и изоляция подалась под пальцами. Думать об этом было некогда. Он шёл дальше: на руках был ребёнок, а в подъезде — дым.

На улице к нему подбежала женщина в расстёгнутом пуховике, с чёрными от сажи руками; правая кисть была обожжена. Марк отдал ей мальчика.

— Скорую.

— Уже вызвали. — Женщина закашлялась. — Я ему сказала: стой у подъезда. Я за сумкой, в квартиру. А он за мной. Я вышла — дым, ничего не видно. Думала, он внизу.

— Он надышался. Скажите врачам.

У подъезда курил мужчина в тулупе и домашних тапочках.

— Это опять провода? — спросил он.

— Пока не знаю.

— Нам в прошлом году говорили, что всё поменяли. Подстанцию чинили. Акт показывали.

— Кто показывал?

— От этих, с молнией. Женщина с папкой. Сказала, можно не бояться.

На подстанции не было таблички «Осторожно, эфир». Ни схемы, ни номера наряда. Ничего, кроме ржавой двери и замка, который, судя по щели, открывался одним движением.

Она с папкой стояла в стороне от пожарных и что-то писала. Управляющая компания всегда присылает кого-нибудь с папкой. Потом эта папка исчезает.

— Вы от УК? — спросил Марк.

— Да.

— Есть акт по ТП-9 за прошлый год?

— Я не знаю. Я по квартирам.

Она сказала тише:

— Там мальчик был. Он у вас?

— В скорой.

Женщина коротко наклонила голову и ушла к людям.

Дверь подстанции была приоткрыта. Марк шагнул вниз.

В коллекторе пахло озоном и мокрой золой. Ввод шёл по стене, толстый, в старой изоляции. В месте, где он входил в ТП, изоляция была разорвана, и из разрыва бил свет — белый, без треска.

Он знал этот свет. Так выглядит эфир, который идёт не по контуру, а напрямую.

Он достал из сумки эфиромер и снял замер. Потом ещё один. Нагрузка на фидере была тридцать восемь потоков — триста восемьдесят ЭЧ в час. По документам разрешено тридцать. Защита должна была отсечь на тридцать два. Она не сработала.

Это было неправильно настолько, что он сначала проверил прибор. Эфиромер был в порядке, только холодный, и Марк подержал его в правой перчатке, прежде чем поднять снова. Он снял третий замер, потом открыл шкаф и посветил фонарём на реле.

Реле было выведено из работы. Рычажок стоял в положении, которое в инструкции называется «ручной контроль», а на профессиональном жаргоне — «отключено, чтобы не мешало».

Он сфотографировал реле, потом ещё раз, с линейкой.

Левая перчатка дымилась. Он заметил это только сейчас. Перчатка прогорела на ладони, кожа под ней вздулась пузырём, и пахло жжёной кожей — свой запах, не уличный.

Он стянул перчатку, рассмотрел ладонь. Потом достал аптечку, замотал ладонь бинтом, замотал криво, одной рукой, и вернулся к реле.

Пожарные уже работали у подъезда, когда он вышел из коллектора. Костя вернулся, вытирая руки о штаны. Лицо у него было белое, и он это лицо прятал.

— Обесточил, — сказал он. — Ключ заел, зараза. Жёстко там, у щитка.

— Молодец. Теперь найди мне папку с нарядами. Она должна быть в шкафу, на гвозде.

Костя принёс папку. Марк открыл её, посветил фонарём. Наряд 47/26 на отключение защитного контура ТП-9 лежал третьим сверху. Дата — 12 января. Работы по нему ещё не

начинались: отметки о допуске не было, а защита уже была выведена. Авария была сегодня, десятого.

Он перечитал дату дважды. Потом дошёл до подписи. Подпись была Сомова.

В наряде было написано: «Вывод защитного контура ТП-9 из работы на период регламентных работ по заявке концессионера. Срок — с 12.01 по 14.01. Ответственный — начальник участка П. И. Сомов».

Подпись стояла внизу, синей ручкой, с нажимом. Сомов всегда подписывал с нажимом, будто хотел продавить бумагу насквозь.

— Что там? — спросил Костя.

— Ничего. Наряд. На будущее.

Он закрыл папку и сунул её под куртку.

В 22:30 приехал Сомов. Он вышел из своей «Нивы», в ватнике поверх пиджака, и сразу пошёл к ТП, не глядя на людей.

— Что с защитой? — спросил он.

— Выведена.

— Кем?

— Написано, что вами. С двенадцатого января.

Сомов остановился. Смотрел он не на пожар, а на папку под курткой Марка.

— Дай сюда.

— Она мне нужна.

— Марк.

— Пётр Ильич. На реле ручной контроль. Нагрузка тридцать восемь при разрешённых тридцати. Ребёнок в скорой.

Сомов молчал. Снег ложился ему на плечи и не таял.

— Ошибка в дате, — сказал он наконец. — Перепишут. Это не твоя бумага.

— Кто перепишет?

— Тот, кто оформлял.

— Кто оформлял?

— Я, — сказал Сомов. — Вот и я говорю: ошибка вышла.

Марк сфотографировал наряд — быстро, пока Сомов смотрел, как пожарные ломают дверь подстанции. Потом отдал папку: бумага была не его, а снимок уже был. Сомов унёс её в машину.

Через минуту он вернулся. В руках у него ничего не было.

— Марк. — Голос у него был тише, чем на объекте. — Ты хороший инженер, Марк. По-хорошему говорю: не лезь.

— В наряд?

— В бумаги.

— Пётр Ильич, там ребёнок.

— Там ребёнок, — согласился Сомов. — И там ещё будет комиссия. И в комиссии будут люди, которые решают, кто виноват, — и они уже решили. Ты можешь им помочь, а можешь помешать. Поможешь — останешься при допуске. Помешаешь — будешь искать работу в феврале.

В «Ниве» на заднем сиденье лежала папка с нарядами. Рядом с ней — вторая, тонкая, с биркой «Декабрь». Марк успел увидеть бирку, прежде чем Сомов закрыл дверь.

— Хорошо, — сказал Марк.

Сомов коротко наклонил голову и уехал.

В 23:10 позвонила Ольга. Она говорила быстро и тихо, чтобы не слышала Соня.

— Ты где?

— На Тополиной.

— У нас тут свет мигает. У Сони в понедельник школа, а я не могу оставить её одну, если...

— Свет мигает у всех. Это не опасно.

— Ты опять обещал приехать сегодня.

— Я помню.

— Ты всегда помнишь.

Ольга закончила разговор первой. Он постоял с телефоном в руке.

Два квартала отсюда, в окнах третьего этажа, горел свет — у Ольги и Сони окна выходят на улицу, и с балкона видно подстанцию. Соня, наверное, видела вспышки. Может, Ольга сказала ей, что это фейерверк.

С Ольгой они развелись три года назад. Она работала бухгалтером в управляющей компании «Солнечный» и про бумаги знала больше, чем он про провода.

Соня в прошлом году нарисовала для него картинку: дом, рядом столб, на столбе птица. Подписала: «Чтобы у тебя было светло». Рисунок висел у него на кухне, приклеенный скотчем к холодильнику, и скотч уже пожелтел.

К часу ночи всё закончилось.

В машине он смотрел на фотографию наряда. Если наряд подписан двенадцатым января, то защиту отключат послезавтра. А сегодня она не сработала. Значит, её отключили раньше. Кто-то сделал это до наряда, и этот кто-то знал, что наряд будет.

Он завёл машину.

— Домой, — сказал Костя.

— Тебя домой, — сказал Марк.

Отцовская машина Кости не завелась, и Марк довёз его до подъезда. Папка с биркой «Декабрь» была в «Ниве» Сомова: значит, журнал у него, а в гараже могла остаться копия. Потом Марк поехал в гараж участка, где стоял железный шкаф с бумагами, и до трёх ночи искал в нём копию журнала ТП-9 за декабрь.

Копии не было. В шкафу лежали журналы за октябрь и ноябрь, аккуратно, по папкам, с бирками. Декабрьской папки не было вообще — ни журнала, ни бирки.

В гараже было холодно. Папки он держал правой, левая в бинте не гнулась.

Алле он позвонил из гаража.

— Ты чего не спишь? — спросила она.

— Журнал ТП-9 за декабрь у тебя?

— Его забрали.

— Кто?

— Частники. В среду. Сказали, сверка.

— А копия?

— Копию не отдам по телефону. Не болтай в эфире.

— Алла...

— Утром. В восемь.

Она повесила трубку.

Из гаража он вышел. Было минус девятнадцать.

К восьми он приехал на базу, проспав три часа в машине. Алла сдавала смену, пила чай из железной кружки и записывала что-то в тетрадь.

— Журнал увезли в комиссию, — сказала она. — В восемь частники привезли свой.

— Декабрьский?

— Сказали, тот самый. Я глянула: гладкий, все дни защита исправна.

— А ты что видела?

— Я видела стрелку. — Она отхлебнула чай. — Комиссия в десять. Тебя звали?

— Нет.

— И не ходи.

На столе лежала сводка по ночному вызову. Он взял её, потому что там был адрес.

«Тополиная, 9, корп. 2. Пострадали: Сева, 9 лет, ожог дыхательных путей; мать, 34, ожоги. Госпитализированы в третью городскую».

Он сложил лист и убрал в карман. На улице достал телефон, открыл фотографию наряда и увеличил подпись. На снимке со вспышкой чернила блестели так, будто их поставили вчера.

Он убрал телефон и поехал в УК. Комиссия начиналась в десять, и он собирался прийти раньше.

Глава 2. Солнечный

Комиссия собралась в том же доме, где вчера горел подъезд, — в кабинете управляющей компании на первом этаже, за стеклянной дверью с графиком приёма и объявлением о поверке счётчиков. В коридоре пахло мокрой золой: двери в пострадавшем подъезде к утру отмыли, а запах остался.

Марк пришёл в девять сорок. Заседание ещё не открыли, но все были на месте, и секретарь выдала ему бумажный стаканчик, не спросив фамилию. В кабинете пахло растворимым кофе и принтерной краской. На стене висела схема района с разноцветными домами — по году постройки, — и дом девять корпус два был закрашен красным, как закрашивают то, что собираются сносить.

На столе стояли стаканчики, коробка печенья и папка с надписью «ТП-9. Материалы комиссии». Ярлык напечатали на принтере. Марк успел прочитать верхнюю строку и ещё две под ней, прежде чем папку накрыли ладонью: «Акт технического расследования. Экземпляр 1. Причина — износ и перегрузка в условиях низких температур».

За столом сидели четверо: женщина из администрации в шерстяном пальто, которое она не сняла; мужчина из концессии в костюме; представитель страховой с бланком; Вера Кольцова.

Веру он заметил раньше остальных. Она сидела прямо, держала перед собой папку и телефон, а к кофе так и не притронулась; на бейдже было напечатано: «Магический надзор. Кольцова В. А., инспектор». Пальцы у неё были красные от мороза.

— Ильин? — спросила она. — Вы дежурили на ТП-9 в субботу.

— Дежурил. И у меня есть что добавить к акту.

Она показала на стул у окна, и он сел, не расстёгивая куртку.

— Нагрузка на фидере была тридцать восемь потоков, — сказал он. — Разрешено тридцать. Защита настроена на тридцать два. Реле стояло в ручном контроле.

Мужчина из концессии поднял брови — медленно, чтобы это успели заметить.

— В акте написано «износ», — сказал Марк. — Износ не выводит реле в ручной контроль.

— Комиссия решит, что это было, — сказал мужчина и положил ладонь на папку. — В акте запишут то, что подтверждено документами.

Женщина из администрации посмотрела в свои бумаги. Представитель страховой сделал пометку в бланке. Вера подняла голову.

— И чем это подтверждается, кроме ваших слов?

— Фотографии. Замеры. Номер реле.

— Фотографии на телефон. — Она проговорила это ровно, как читают пункт. — Телефон — не документ. Документ — это замер, внесённый в протокол, с подписью и печатью. Протокол у вас есть?

— Нет. Меня туда не пустили бы с протоколом.

— А с телефоном, значит, пустили.

— Я был на объекте по вызову, — сказал он. — У меня был доступ. Я снимал то, что видел.

— Вы снимали то, что видели, — повторила она. — А в отчёте комиссии записано то, что видел инспектор концессии. У него есть допуск и подпись. У вас — телефон.

— И поэтому прав он, а не я?

— Поэтому его версия имеет процессуальный вес. Ваша — нет.

Мужчина из концессии предложил компромисс: зафиксировать перегрузку в условиях низких температур и добавить пункт о необходимости внепланового осмотра. Женщина из

администрации согласилась первой, представитель страховой — второй: его бланк требовал подписи, а не формулировки.

— А реле кто-нибудь посмотрит? — спросил Марк.

— Реле осмотрят в рамках внепланового, — сказал мужчина. — В течение месяца.

— За месяц оно может сгореть.

— Может, — согласился мужчина. — Поэтому мы и говорим о внеплановом.

Принтер за спиной женщины из администрации дожевал лист и загудел. Лампа над столом присела: дом с вечера сидел на временной схеме, эфир шёл по одному кабелю, и когда наверху включали обогреватель, это было видно всем.

На стенных часах было без пяти одиннадцать. Соня уже была на катке — она каталась плохо, держалась за бортик и злилась, но не отказывалась. Марк прикинул, сколько ещё может идти комиссия, и не нашёл числа, которое бы его устроило.

— У меня есть вопрос, — сказал Марк. — Кто вывел защитный контур из работы?

Женщина из администрации перестала переворачивать лист. Принтер за её спиной смолк, и стало слышно, как в углу шумит обогреватель.

— Это выяснит внеплановая проверка, — сказал мужчина из концессии.

— А до неё что делать?

— До неё, — сказала Вера, — мы зафиксируем то, что есть. Ильин, вы можете дать письменные пояснения?

— Могу. Что писать?

— То, что видели. С указанием времени и места. Без телефона. Завтра к семи сорока, кабинет начальника участка. Он в курсе.

Она записала что-то в блокнот и подняла голову.

— И ещё. Вы работаете в «Магисетях»?

— Инженер-диагност, участок Центр и Посад.

— Я спросила не про должность.

— Работаю. Восемнадцать лет.

— На каком основании вы были на объекте концессии?

— По вызову. ТП-9 на нашей магистрали, фидер четвёртый. Мы подаём, они принимают.

— То есть вы представляли сторону, у которой с концессией договор.

— Мы их поставщик по договору присоединения.

— Тогда ваши пояснения будут читать как пояснения заинтересованной стороны.

Папка в её руках была с ровным углом, ни одной загнутой страницы. Он мог сказать, что заинтересованная сторона сидит через стол, в костюме, и что экономить на защитах выгодно тому, у кого потери идут в премию. Но печенье в коробке оставалось нетронутым, и всё, что он мог добавить, уже лежало по графам.

— Я могу быть экспертом, — сказал он. — По договору. От «Магисетей» или от надзора. У меня допуск, стаж, категория. Мне не нужно ничего подписывать, кроме замеров.

Вера отложила ручку и посмотрела ему в лицо, а не в бумаги.

— Экспертом? Эксперта назначает суд или следователь. — Она записала. — Вас можно оформить специалистом по договору. Вы не следователь: не изымаете, не допрашиваете, не подписываете процессуальные документы. Вы измеряете и объясняете.

— Я это и делаю каждый выезд.

— И ваши объяснения можно оспорить одной фразой: «вы работаете на тех, кого проверяете».

— Можно. Реле от этого не станет исправным.

Она закрыла папку и положила сверху ручку.

— Я оформлю запрос, — сказала она. — Пока — пояснения. И не трогайте объект до осмотра.

— Я его не трогаю. Я его обесточил.

— Вы туда уже лазили, Ильин.

— Я туда приехал по вызову и вытащил ребёнка.

Она ничего не ответила и первой поднялась из-за стола.

Комиссия кончилась в двенадцать. Женщина из администрации собрала листы, представитель страховой закрыл бланк, и все вышли в коридор по одному; в кабинете остались стаканчики и папка.

В коридоре его ждал Костя. Он пришёл к девяти, хотя его никто не звал, и всё это время стоял у окна, не зная, куда девать руки.

— Ну что? — Костя шагнул от окна.

— Перегрузка в условиях низких температур, — сказал Марк. — И пункт про внеплановый осмотр. Реле посмотрят в течение месяца.

— А кто его вывел, они не спросили?

— Я спросил. Сказали: выяснит внеплановая.

Костя обернулся на дверь кабинета, потом на Марка.

— Я слышал, что ты сказал. Про ручной контроль. — Он понизил голос, хотя в коридоре никого уже не было. — И что теперь?

— Теперь пояснения, — сказал Марк. — И журнал.

— Тот, что забрали в среду?

— Он. Другого за декабрь не было.

— Частники сказали, что на сверку.

— Значит, где-то должна остаться копия.

— А если копия не осталась?

Марк не стал отвечать. Костя перекладывал руки из кармана в карман и держался на одной злости, потому что ночью не спал никто.

— Короче, — сказал Костя. — Я вчера испугался.

— Все испугались, не ты один.

— Не так. Я стоял с ключом и думал: под нагрузкой из шкафа полыхнёт. Защита выведена, тридцать восемь потоков, там дуга с палец. И не повернул. Секунду стоял.

— Секунда — это нормально, — сказал Марк.

— Нормально? — Он сказал это с вызовом, будто его утешали за счёт правды.

— А рубильник ты всё-таки повернул?

— Повернул, — сказал Костя. — Через секунду.

— Значит, всё нормально, — сказал Марк и пошёл к выходу.

Ольга поймала его у стойки с документами — в блузке, с папкой, из которой торчали закладки.

— Ты чего здесь в воскресенье?

— На комиссии был.

— Я видела. Ты вошёл девятым.

— Ты что, считала? — спросил он.

— Заметила. — Она поправила папку. — У меня отчёт, между прочим.

— В воскресенье?

— В понедельник отчёт уходит в страховую, — сказала Ольга. — Кто-то же должен его собрать.

— Соня на катке, — добавила она. — С соседкой. Я не стала держать её до обеда.

— Я обещал в одиннадцать, — сказал он.

— Вчера ты не приехал. И позавчера.

Ольга работала в этой компании шестой год: готовила документы для страховых, для судов, для проверок, и знала, в каком шкафу лежат акты и во сколько приезжает курьер.

— Тебе не надо было приходить, — сказала она.

— Надо было. Иначе я бы не услышал, что они собираются делать с реле.

— И что ты хотел услышать? Что они скажут это вслух?

— Хотел, чтобы кто-нибудь из них это сказал.

— Они никогда не говорят вслух. — Она придвинулась ближе и понизила голос, хотя коллеги стояли в двух шагах. — Марк. У Сони школа в этом районе. Мы живём в двух кварталах. Если ты начнёшь...

— Что именно я начну, Ольга?

— Воевать. С ними, с концессией, со всеми.

— Я не воюю. Я задаю вопросы.

— Это одно и то же, когда вопросы задают таким тоном.

Мимо ходили люди с бумагами; кто-то снимал копию, и копир в конце коридора щёлкал и брал страницу за страницей. На доске объявлений висело: «Отключение эфира — 15 января, 11:00–16:00, улица Тополиная, дома 1–7». Объявление напечатали на обычной бумаге, приклеили скотчем, и один угол уже отклеился.

— Ты знала про отключение пятнадцатого?

— Про какое? — Она подошла ближе.

Он показал на объявление. Ольга прочитала до конца, губами.

— Плановое, — сказала она. — Кабель меняют. Пятнадцатое.

— А девятого дома в списке нет.

— У него своя подстанция, девятая.

— По наряду сорок семь двадцать шесть на этой подстанции регламентные работы с двенадцатого по четырнадцатое. Три дня. Дом на это время переводят на другую линию или отключают, и в УК присылают бумагу.

— Присылают, — сказала Ольга. — На пятнадцатое присылали.

— А на двенадцатое?

Она посмотрела в сторону, будто считала в уме, и ответила не сразу.

— Не было, — сказала она. — Я бы увидела.

Ольга молчала. В коридоре у копира заело лоток, и кто-то выругался вполголоса.

— Значит, работать не собирались, — сказал Марк. — Бумагу написали, реле вывели, а работы не начинались.

— Ты это где прочитал, в наряде?

— В наряде. Там стоит: регламентные работы, двенадцатое — четырнадцатое, ответственный Сомов.

— А наряд где сейчас лежит?

— У Сомова. — Он вспомнил «Ниву», заднюю дверцу и папку с биркой «Декабрь». — Был.

Ольга смотрела на него и, судя по лицу, уже знала, что он сделает дальше.

— Ты можешь узнать, кто подписал акт по девятому дому? — спросил он.

— Нет. — Она ответила раньше, чем он договорил.

— Ольга, — сказал он тише. — Мне нужна фамилия.

— Нет. И не проси, я серьёзно.

Она уже отходила, когда добавила, не поворачиваясь:

— Я вчера до двенадцати готовила документы для страховой. По этому дому. И знаешь, что мне сказали? «Пиши, что дом в порядке».

— Кто сказал?

— Директор. — Ольга посмотрела на него. — И не начинай.

— А он на самом деле в порядке?

— По документам. — Она переложила папку на другое плечо. — Пока кто-нибудь не начнёт проверять.

— А ты бы могла проверить?

— Проверяет инспектор. Я готовлю расчёт: потери, стоимость, что пройдёт по страховке.

— А если расчёт неверный, что тогда?

— Тогда его готовит кто-то другой. Или я ищу новую работу.

Она ушла к своему столу, и закладки в папке торчали в четыре стороны.

На улице было минус двадцать, солнце стояло низко и светило в глаза. Во дворе двое из концессии резали и сматывали ввод, тот самый, на котором обгорела изоляция. Работали быстро, наряда на видном месте не было, куски с синей медью на срезе складывали в мешок. Марк ждал, что срез заискрит, как в субботу, когда из разрыва бил белый свет. Не заискрил.

Он достал телефон и открыл фотографию наряда. Дата — двенадцатое января. Подпись — Сомов. Внизу — отметка о согласовании с концессией: номер, время, фамилия. Фамилия была незнакомая; вчера он её видел и не запомнил.

Он набрал Веру, отойдя от рабочих к своей машине.

— Кольцова, — сказала она в трубку. — Я слушаю.

— Это Ильин. Я про наряд.

— Какой наряд вы имеете в виду?

— На отключение защиты ТП-9. Подписан двенадцатым января. Авария была десятого.

В трубке шуршало; она ехала, и связь прыгала.

— У нас в материалах есть аварийный наряд, подписанный десятым. Планового нет.

— А у меня фотография планового. На двенадцатое.

— У вас фотография. У меня документ.

— Пришлите мне аварийный наряд. Хотя бы посмотреть.

— Материалы проверки не выдаются. — Пауза. — А журнал ТП-9 — собственность концессии. Вы понимаете, что это значит?

— Что мне его не покажут.

— Что он ляжет в дело. А в деле останется то, что решит комиссия.

Она сбросила, не попрощавшись, и он ещё секунду держал телефон у уха.

В 13:40 пришло письмо от Кольцовой. Тема — «к пояснениям», в письме одна строка: «Акт прилагаю для пояснений, не для распространения». Вложений два: акт и пустой бланк. Марк открыл его в очереди в аптеке, между витриной с витаминами и стойкой, где принимают рецепты.

«АКТ технического расследования причин инцидента на ТП-9 (фидер 4) от 11.01.2026.

Причина: разрушение изоляции кабельного ввода вследствие износа и повышенной нагрузки в условиях низких температур.

Защитный контур ТП-9 на момент инцидента — в работе, исправен. Срабатывание не зафиксировано в связи с кратковременностью процесса.

Сведения о нагрузке: в пределах разрешённой. Пострадавшие: двое (женщина, 34, ожоги; несовершеннолетний, 9, ожог дыхательных путей).

Комиссия: П. И. Сомов (начальник участка), В. А. Кольцова (надзор), представители концессии, администрации и страховой».

Дальше шли подписи. Подпись Сомова была первой, хотя в кабинете его не было. Акт датировали сегодняшним числом.

Он вернулся на два абзаца выше. В причине стояли «износ и повышенная нагрузка», а через строку — «сведения о нагрузке: в пределах разрешённой». Одно исключало другое, и это никого не смутило.

Он прочитал абзац про кратковременность три раза — не потому, что не понял, а потому, что искал там другую редакцию. Потом закрыл файл.

— Вам что? — спросила аптекарша, не отрываясь от кассы.

— Бинт. И что-нибудь от ожогов.

Она вытянула шею и посмотрела на его ладонь поверх очков.

— Сильно?

— Нормально, — сказал он. — Работать можно.

— «Нормально» — это когда к врачу не надо, — сказала она, доставая бинт. — Вам надо.

— Зайду сегодня, — сказал он.

Она положила на стойку тюбик и добавила, что ожог закрывают, а не заматывают, что бинт надо менять и что если завтра будет хуже, надо не «зайти», а дойти.

В машине было холодно; печка начинала греть водителя минут через десять. Марк положил бинт на панель и набрал Сомова.

— Пётр Ильич. В комиссии лежит декабрьский журнал. Мне нужен тот, который вёл пульт.

— Нет. — Сомов ответил сразу, будто держал телефон в руке.

— Что значит «нет», Пётр Ильич?

— Его уже нет. В комиссии.

— А копия с него осталась?

В трубке было слышно, как Сомов дышит и как у него на кухне тикают часы.

— Марк. Ты вчера вытащил ребёнка. Это хорошо. Остальное — не твоё дело.

— И чьё же это дело?

— Не твоё, — сказал Сомов и отключился.

В 14:20, когда он уже прогрел машину, позвонила Соня.

— Ты придёшь? В одиннадцать, ты сказал.

— Приду. — Он сказал это прежде, чем вспомнил про часы.

— Сейчас два часа, — сказала Соня.

Он проверил время на панели, будто оно могло быть неправым.

— Я опоздал, — сказал он. — Прости.

— Я стояла у катка двадцать минут. Мама попросила соседку со мной пойти. Соседка сказала, что так нельзя.

— Соседка права, — сказал он. — Я знаю.

— А почему ты всегда опаздываешь?

— Работа, — сказал он. — Она не спрашивает.

— Мама так и говорит. Она говорит это таким голосом.

— Мама права, — сказал он. — И ты тоже.

— А ты придёшь в следующие выходные?

— Приду в субботу, к одиннадцати.

— Ты обещаешь, что на этот раз придёшь?

Он не ответил сразу.

— Ты всегда сначала молчишь, — сказала Соня.

— Обещаю, — сказал он. — В субботу утром.

— Хорошо. Я тебя нарисую. Нам на классном часе сказали нарисовать профессию родителей.

— Меня? — переспросил он.

— Тебя. В каске и с чемоданчиком.

Он хотел спросить, как называется его профессия, но в трубке уже шли гудки.

Он положил телефон на панель и ещё посидел, не трогаясь с места. Печка успела остыть.

Марк достал блокнот и записал: «Наряд 47/26 — 12.01. Авария 10.01. Журнал — в комиссии, копии нет. Контур выведен, реле в ручном. 38 при 30. Комиссия: износ». Ниже добавил: «Соня. Суббота, 11:00».

На каток он так и не поехал.

В 16:10 пришло СМС: «Осмотр ТП-9. Понедельник, 8:00. Замеры привезите все. И телефон тоже. Кольцова».

Глава 3. Пломба

Кабинет Сомова проветривали по праздникам, поэтому там всегда пахло бумагой, чаем и пепельницей, которую он не выбросил, когда бросил курить. В понедельник в семь сорок Марк сидел за приставным столом и писал пояснения — так, как его учили писать акты: время, место, что обнаружено, чем измерено. «При осмотре ТП-9 в 22:05 обнаружено: нагрузка на фидере четыре — тридцать восемь потоков при разрешённых тридцати, защита настроена на тридцать два, реле защиты — в положении ручного контроля». Дальше шло то, чего в актах не пишут: «Ручной контроль не является режимом износа».

Сомов читал через плечо и вслух, с расстановкой.

— «Реле находилось в положении ручного контроля». Уверен?

— Уверен. Сфотографировал, время записал.

— В пояснениях не пишут «я видел». Пишут «обнаружено».

— Я и пишу: обнаружено. Только обнаружено мной.

— Я тебе в субботу сказал: не лезь. — Сомов отложил лист. — Пояснения — это твоя фамилия на листе. Дальше с листом работают другие.

Он встал и подошёл к окну, мимо карты города.

— Сколько таких пояснений я подписал за тридцать один год? Тысячи. Ни одно не пошло в дело.

— А те, что пошли?

— Те пошли в другое дело.

— Пётр Ильич. Ручной контроль. Тридцать восемь при тридцати. Это не износ.

— Это может быть ошибка.

— Чья?

Сомов положил лист на стол и придавил ладонью.

— Пиши, — сказал он. — Но без выводов. Вывод — не твоя графа.

Сомов подписал, не перечитав ни строки; на обратной стороне листа остался продавленный след, как от чека, который приложили и убрали. В коридоре щёлкнул выключатель, и кабинет остался с одной лампой над столом. В её свете стало видно, что пепельница полная пыли.

В восемь десять Марк был у ТП-9. До без десяти девять он стоял один: в доме напротив гасили свет на кухнях, женщина вынесла к бакам пакет, из которого торчала ёлка. Минус двадцать, снег под ботинками не скрипел, а ломался, как сухарь. Ладонь под бинтом ныла ровно, как зуб, у которого уже нечего лечить. У стены, где в воскресенье резали ввод, лежала синяя стружка — медь, которую не подобрали.

Вера приехала в восемь пятьдесят, не одна: с ней был мужчина в пуховике с вышитой на груди серебряной молнией, и он смотрел на Марка так, как смотрят на пятно в отчёте, которое придётся описывать.

— Технический специалист концессии, — сказала Вера. — Ключи у собственника.

— Осмотр был в восемь, — сказал Марк.

— Осмотр в восемь. Специалист — в восемь сорок. — Она открыла блокнот. — Порядок такой: я фиксирую, вы измеряете, всё по моему указанию. Ничего не выносите, ничего не подписываете. Шаг в сторону — осмотр закончен.

— Снимать можно?

— Снимайте. Но не раньше, чем я запишу, что вы снимаете.

Замок, который в субботу открывался одним движением, был заперт на два оборота. Специалист достал связку, нашёл ключ по бирке «ТП-9, концессия» и открыл с третьей попытки: замок был замёрзший. Внутри пахло гарью, стены были в копоти, пол усыпан порошком, кото-

рым пожарные тушили огонь. Кабельный ввод, тот самый, с разрывом, обрезали и замотали; срез был ровный, болгаркой, без оплавленных краёв.

— Ввод заменили, — сказал Марк.

— Временная схема, — сказал мужчина. — Чтобы люди не мёрзли.

— А старый?

— Утилизирован.

— Акт на утилизацию есть? — спросила Вера, глядя в блокнот.

— Будет.

— Когда будет — копию в надзор. — Она записала.

Марк промолчал. Разрыв, который он видел в субботу, больше никто не увидит, и запомнил он изоляцию: вырванную изнутри.

Счётчик стоял в отдельном шкафу, за свинцовой пломбой. Свинец, номер, оттиск, проволока натянута ровно, без следов перекуса. Марк достал из сумки лупу.

— Оттиск читается, — сказал он. — «МН-2019». Номер — ноль ноль четыре семь один два.

— И что? — спросил мужчина.

— Пока ничего. Номер я запишу.

— Диктуйте, — сказала Вера.

Целая пломба — это документ о том, что проверять не надо.

На щите, у наконечника отходящего кабеля, лежал шлак — серый, с белым налётом, комками. Марк соскоблил его в две колбы: одну оставил себе, вторую отдал Вере.

— Если контур работал штатно, шлак серый и ровный, — сказал он. — Если тянули напрямую, в нём больше натрия и след дикого контура: такой шлак не лежит слоем, он схватывается комками. Точно скажет лаборатория. Я могу сказать одно: не штатный.

— Говорите.

— Не штатный.

Вера поднесла колбу к свету и повернула; запахло озоном.

— Сколько ждать?

— НЭЛ — три-пять дней. Через надзор быстрее: у них очередь по делам.

Она достала бланк и заполнила от руки, печатными, номер взяла из журнала — четырнадцать.

— Подпишет начальник отдела, — сказала она. — Пробу отправляет он, а не инспектор.

Мужчина отошёл к двери и заговорил по телефону — тихо, прикрывая трубку ладонью. Вернулся с протянутой рукой.

— Пломбу мы забираем.

— Нет. — Вера не повысила голос. — Это вещественное доказательство по материалу о причинении вреда. Пломба остаётся в надзоре до окончания проверки.

— Это наше имущество. У вас нет дела.

— У нас есть материал и пломба.

— Тогда мы напишем, что пломбу изъяли без основания.

— Пишите. Опись я вам дам.

Мужчина посмотрел на её блокнот, потом на пакет, но руку убрал. Вера сняла пломбу, упаковала и подписала; Марк успел снять её на телефон раньше — пока Вера записывала, что он снимает.

— А журнал пломбировки?

— В офисе. Привезём по запросу.

— А журнал подстанции за декабрь?

— Он в комиссии. — Мужчина обернулся к Вере, будто она могла подсказать. — Другого нет.

Вера подчеркнула строку.

На улице она несла пакет с пломбой в сумке, как несут хлеб: не прижимая и не болтая.

— Мне нужен журнал ТП-9 за декабрь, — сказал Марк. — Не тот, что в комиссии, а тот, что был до.

— Его нет.

— Я знаю. Но должен остаться след: кто изъял, когда, по какому запросу.

— Вы просите искать документ, который, возможно, уничтожили. И понимаете, чем это для меня кончится?

— Понимаю. И всё равно прошу.

Она долго молчала, глядя на пакет.

— В среду, в двенадцать, в надзор. Со своими записями.

— А акт?

— Акт я вам не отдам. Вы не сторона.

Она пошла к машине; на торпеде у неё лежали термос и половина бутерброда в фольге, надкушенного и забытого.

До их дома было два квартала, и в окнах третьего этажа никого: Соня в школе, Ольга на работе. Телефон зазвонил, когда он отъехал от подстанции.

— Марк, мне пришёл запрос из надзора. По девятому дому. — Ольга не поздоровалась. — Были ли уведомления на работы с двенадцатого по четырнадцатое.

— А были?

— Ты вчера спрашивал. Я и тогда сказала: не было.

— А директор что говорит?

— Директор сказала написать, что были.

— И что ты напишешь?

— Что не было. — Она помолчала. — Понимаешь, что эту бумагу подписываю я?

— Понимаю.

— Перестань меня понимать, ладно? Скажи что-нибудь.

— Скажу. Если они напишут, что бумага была, я найду, кому её отдали.

— Вот. Уже лучше. — Потом, другим голосом: — Марк. Ты можешь остановиться?

— Не могу.

— Почему?

— Потому что реле в ручном контроле. Это делают руками. — Он помолчал. — Дальше я не знаю.

— Ты меня не слышишь.

— Слышу. Отвечать нечем.

Она молчала так долго, что он слышал, как у неё в кабинете печатает принтер.

— Всё под контролем?

— Да.

— Ты врёшь.

— Да, вру.

Ольга положила трубку первой. В блокноте появилось: «004712. Журнал пломбировки — запрос. Проба — НЭЛ, заявка 14. Среда, 12:00, надзор». Ниже он добавил: «Соня. Суббота, 11:00».

Вечером он приехал на Вторую Садовую, в комнату в коммуналке: коридор с чужим супом и мокрой обувью, телевизор за стеной, батарея под окном греет так, что форточку держат открытой. Скотч на Сонином рисунке пожелтел, угол отклеился; Марк прижал его ногтем — дом, столб, птица на столбе — и поставил чайник. Бинт на левой ладони присох, и он отмачивал его в миске с тёплой водой, как велела аптекарша. Под бинтом была розовая полоса с пузырём посередине.

Мальчик из подъезда лежал в третьей городской. Марк не звонил: он не знал ни фамилии, ни отделения, а спрашивать «как мальчик из подъезда» было стыдно.

В стене гудело: дом старый, с воздушными линиями, и гул шёл от магистрали, которая проходила под двором. Гул он знал с детства. В девяносто втором, когда ему было семь, в подъезде поставили эфирный щиток, и вся лестница ходила смотреть, как в квартирах стало тепло без печей. До этого топили углём, и бабка ещё год держала в сарае три мешка «на случай».

Эфир к тому времени шёл по городу второй год: прорыв случился в девяносто первом, и с тех пор его хватало всем, а откуда он взялся, не знал никто. В школе говорили про разлом под городом, в институте — про фоновую утечку, Сомов говорил: «Течёт — и течёт, было бы что течь». За восемнадцать лет Марк выучил одно: эфир не рождается в проводе. Он идёт от узла к магистрали, от магистрали к подстанции, и на каждом шаге часть уходит в потери. Потери и были его работой.

Жил он в этом районе и ходил в школу через двор, где стояла ТП-4. Тогда на ней висела табличка «Осторожно», и мальчишки кидали в неё снежками; теперь висела другая: «Объект «Магисетей». Вход по пропускам».

Реестр пломб, куда «Магисети» пускали на чтение по договору, был старый, с интерфейсом из двухтысячных, и искал по номеру медленно. Марк подождал. Потом подождал ещё.

«Номер 004712. Партия 2019. Статус: списан. Дата: 12.03.2021. Основание: замена при ремонте ТП-4. Подпись: Сомов П. И.»

Он закрыл реестр, открыл заново и ввёл номер ещё раз. Ответ был тот же: списана в марте двадцать первого, и всё.

Он набрал Костю — тот ответил сразу, и за спиной у него пел телевизор.

— Ты помнишь, как мы в субботу были на девятой?

— Помню, Марк Андреевич. А что? У меня сериал.

— Пломба на вводном счётчике. Видел?

— Смутно. Там дым был, я на реле смотрел.

— А на четвёртой ты был?

— Нет. Там наша вторая смена, а с ними человек от частников.

— Мне нужна выписка по ТП-4 за январь. Номер пломбы на вводе и дата установки.

— Короче, это же внутренняя база, — сказал Костя не сразу.

— Да. Внутренняя. Поэтому и прошу тебя.

— Я смогу. Только вы же знаете, что мне за это будет.

— Знаю. Поэтому и не приказываю.

— И всё равно просите?

— Прошу.

— Ладно. Завтра.

Костя отключился первым, а Марк поехал на участок: в гараже пахло соляркой и старой резиной, декабрьской папки на полке не было, зато в шкафу, где лежали папки пораньше, нашлась тонкая картонная обложка с надписью «ТП-17. 2020». Внутри было пусто, только след от скрепки.

Он держал её, пока не замёрзли пальцы. В двадцатом на семнадцатой горело, и в папке по тому пожару стояла его подпись. Обложку он поставил на место, ровно как было, и закрыл шкаф.

В среду в двенадцать Вера положила перед ним на стол журнал пломбировки за двадцать четвёртый год. В надзоре пахло краской — коридор красили, и на полу у стены лежала газета. В кабинете было два стола, второй пустой и без стула; на своём Вера держала термос, но чашки у неё не было.

Журнал был тонкий, в картонной обложке, записи разными почерками, некоторые карандашом.

— Журнал я вам показываю как специалисту по договору, — сказала Вера. — Переписывайте, снимать не надо. Страницу по ТП-9 я отметила.

Он нашёл страницу: ввод — июль двадцать четвёртого, пломба — 004712, подпись — Сомов.

— Есть.

— Есть, — сказала Вера. — И списана двенадцатого марта двадцать первого.

— Знаю. Я смотрел реестр в понедельник.

— Тогда посмотрите причину.

Она положила рядом вторую папку — тонкую, с надписью «База партий. Сверка».

— «Механическое повреждение при замене», — прочитал Марк. — Пломба целая.

— По бумаге — повреждённая.

— То есть её списали в двадцать первом как испорченную, а в двадцать четвёртом вписали в журнал на девятую.

— По документам — да.

— А на четвёртой она стоит с декабря двадцать пятого. — Костю он не назвал.

— Значит, один номер на двух объектах.

— Две записи, — сказал Марк и подчеркнул номер в блокноте. — Одну вписали в двадцать четвёртом, вторую — в двадцать пятом.

— В учёте так не бывает, — сказала Вера и закрыла папку. — Либо один из журналов писали не с объекта. Но для материала этого мало: нужна экспертиза — оттиск, следы, партия.

— Отдайте в НЭЛ.

— Отдам. — Она сделала пометку. — Но журнала за декабрь у меня нет.

— Есть запрос на его изъятие. Кто-то же его забрал, значит, есть подпись.

— Значит, есть.

Она не ответила сразу; держала ручку над блокнотом.

— Я запрошу, — сказала она наконец, и сказала это в блокнот.

Он встал, и Вера подняла глаза.

— Ильин. Если пломба поддельная, тот, кто её ставил, знал, что подделывает. И, скорее всего, он не один. Вот об этом я и напишу в рапорте. — Она открыла следующую папку, и на пальцах у неё осталась графитная пыль.

До смены оставалось два часа, и он поехал на участок. Декабрьской папки не было. Не было и той, с надписью «ТП-17. 2020»: полка пуста, и пыль на ней стёрта неровно. На краю полки лежала скрепка: бумаги вынули, скрепку оставили.

Из гаража он набрал Аллу. Она ответила на первом гудке, и за спиной у неё пищал зуммер.

— Кто заходил в гараж за последние два дня?

— Ты.

— И ещё?

— Ещё двое, — сказала она не сразу. — Я их видела из окна, они шли через двор. Один в пальто, второй в куртке. Сказали, что от Сомова.

— Что несли?

— Папку. Больше ничего.

— Какую?

— Я не спрашивала, какую. — И тише: — Марк, они были не в спецовках.

— Ты кому-нибудь говорила?

— Никому. И ты Сомову не говори, что это я. У меня до пенсии четыре года.

Глава 4. Ферма

В четверг на Тополиной снимали с опоры ящик. Эфир отключали с одиннадцати до четырёх, дома с первого по седьмой, и объявление об этом висело в управляющей компании с воскресенья — потому что такие отключения готовят за месяц, согласовывают за неделю, а бумажку вывешивают за три дня, когда менять уже нечего.

Марк приехал в восемь. До отключения оставалось три часа, и это были единственные три часа, когда кабель под снегом ещё что-то значил: к одиннадцати он остынет и сравняется со всеми остальными кабелями в городе, по которым ничего не идёт.

У соседнего подъезда стоял фургон частников. Двое рабочих в спецовках возились с ящиком на опоре: один держал лестницу, второй откручивал болты, и оба старательно смотрели мимо человека с тепловизором — в их наряд он не входил.

— Нам бы до отключения постоять, — сказал Марк.

— Стоять можно. — Старший не обернулся. — Только не мешать.

— После отключения кабель остынет. Нам нужен горячий.

Старший ничего не ответил и вернулся к болтам. Марк отошёл к стене дома и включил тепловизор. Дом грелся нормально: у ввода кирпич был теплее кладки, кухонные вытяжки светились, на подоконниках спали кошки. Потом он опустил ствол к фундаменту: снег у стены просел, был темнее соседнего, и от угла дома по двору тянулась ложбина — как след от бревна, которое протащили и убрали.

Ложбина шла вдоль забора, мимо мусорных баков, к гаражам. В снегу над ней было теплее на два градуса: тепловизор показывал слабую светлую полосу, такую же, какую даёт батарея, которую давно не топили. У гаражей полоса кончалась. Над воротами шёл железный уголок, и снег на нём стаял до металла.

— Это не наш кабель, — сказал Марк, не оборачиваясь.

— В смысле не наш? — Костя догнал его, в шапке набекрень, с термосом в рюкзаке, и тоже уставился на уголок.

Марк достал телефон и открыл схему участка. Схема была старая, нарисованная в две тысячи двенадцатом, и он помнил её наизусть: от девятой к дому шли два кабеля, оба с номерами, оба учтены, ответвлений за гаражи не было ни одного.

— Может, её не перерисовывали, — сказал Костя.

— Может. — Марк убрал телефон. — Только старый кабель не греется. Он греется, когда по нему идёт эфир.

Они обошли гаражи. За ними был пустырь, за пустырём — теплицы: длинные, в две трети человеческого роста, с наклонными застеклёнными крышами. Марк знал, что они здесь были всегда — при совхозе, при кооперативе, при людях, которые брали их в аренду и бросали. Над заборами поднимался пар, и пахло не снегом, а землёй и чем-то сладким, как в овощном отделе, где слишком долго работают батареи.

Костя поднял руку. Над одной теплицей воздух дрожал — не дым и не пар, а именно дрожание, какое бывает над раскалённым асфальтом. В минус двадцать оно означало ровно одно: контур работает с перегрузом, а изоляция держится на том, что ещё не сгорело.

Калитка была закрыта на цепочку, но цепочка висела свободно. На снегу перед ней лежали следы — не свежие, присыпанные ночным снегом, но частые, а между ними тянулась узкая колея, как от садовой тележки. Они обошли теплицы с другой стороны, где была железная дверь и звонок. На воротах висела табличка, крашеная по железу: «17». Звонок не работал. Марк постучал, и дверь отозвалась глухо, как пустая бочка.

Открыл мужчина лет пятидесяти пяти, в телогрейке поверх свитера, с собакой на поводке. Собака была старая, с седой мордой, и на гостей не залаяла: то ли не слышала, то ли ей давно было всё равно.

— Чего надо? — спросил мужчина.

— Мы по эфиру, Аркадий Петрович, — сказал Костя.

Мужчина оглядел Костю, потом собаку, потом снова Костю.

— А ты откуда знаешь моё имя?

Костя открыл рот и закрыл.

— Ильин, «Магисети», — сказал Марк. — Диагностика. У вас эфир идёт мимо счётчика.

— Кузьмин, — сказал мужчина. — Аркадий Петрович.

— Очень приятно.

— Не очень, — сказал Кузьмин и не двинулся с места.

— Можно посмотреть? — Марк показал на калитку.

— У вас бумага есть?

— Есть допуск.

— Допуск — это к себе домой. А это частная территория.

Ладонь под бинтом на морозе мёрзла первой, и Марк подышал на неё.

— Аркадий Петрович. У вас над теплицей воздух дрожит. Это видно с улицы, и это вижу не только я. Если я уйду и напишу рапорт, приедет надзор. С полицией или без — зависит от того, что я напишу.

Кузьмин молчал. Собака села на снег и положила морду на лапы.

— Грозите, — сказал он. — До вас тоже грозили. А привели всё равно ваши.

— Кто привёл? — тихо спросил Марк.

— Двое. В фургоне. Белом, с молнией. Восьмого, перед аварией.

Марк достал блокнот и открыл на чистой странице.

— Что они сделали?

— Сказали: временно. Оформили на обслуживание, поставили счётчик, показали, куда платить. Сказали, через месяц отключат.

— И вы согласились?

— А что я, дурак отказываться? — Кузьмин даже привстал на носках. — Мне углём топить — три машины за зиму. А тут сказали: будет по тарифу, только дешевле, и бумаги оформят. А что мне было делать?

— Через какую контору оформят?

— Не сказали. Сказали: мастер приедет, всё покажет.

Из-под двери теплицы шёл пар, и в паре стоял свет.

— Покажите.

Кузьмин откинул крючок и пропустил их вперёд. Внутри было тепло и тесно: вдоль стены стояли стеллажи с ящиками, над ними горели лампы, и в углу за фанерной перегородкой гудело так, что гудение отдавало в зубах. Пахло землёй, мокрым деревом и ещё чем-то железным.

За перегородкой стояли накопители — шесть штук, из старых армейских ящиков, соединённые толстым кабелем. Кабель уходил в стену через дыру, забитую паклей.

— Это не самопал, — сказал Марк.

— А что это, если не самопал?

— Самопал — это когда в розетку втыкают что попало. А здесь заземление, защита, реле на отключение. Это собирали по схеме.

Он присел у крайнего ящика. На нём была наклейка «Стройэфир. Не вскрывать», ниже, поменьше, — «Собственность ООО „Крутогорск-Эфир-Сервис“». Марк снял обе на телефон, потом ящики с двух сторон.

— Кто вам это поставил?

— Сказал же: двое. Один в спецовке, второй с папкой.

— Фамилию называли?

— Первый сказал: от Гурьева. Может, Гура — я не разбирал. Второй не назывался.

Телефон он убрал в карман и выпрямился.

— Сколько вы тянете? В сутки?

— А я почём знаю. — Кузьмин оглянулся на ящики. — Мне за ящики не плотят, я за них плачу.

Кузьмин подвёл его к счётчику, прикрученному к стене на два шурупа. Счётчик был новый, с пломбой, и показывал скромный расход — как у хозяина, который платит и не спорит.

Марк снял на телефон циферблат, оттиск пломбы и проволоку.

— Вот. Всё по счётчику.

— А счётчик чей?

— Их. Сказали, поставят свой, чтобы всё честно.

— А ящики когда поставили?

— Ящики? — Кузьмин почесал шею под воротником. — Те же двое. В декабре, в самом начале.

— А счётчик когда поставили?

— Счётчик — восьмого. — Он потрогал пломбу на кожухе. — Вместе с бумагой.

— А договор?

— Какой договор?

— А платите кому?

— Им. — Кузьмин достал из кармана телогрейки пачку бумажек, сложенных вчетверо. — Раз в месяц приезжают, берут.

Бумажки были отпечатаны на принтере, без банка и без печати: «Стройэфир. Абонентское обслуживание. Тепличный, 17». Сумма — шесть тысяч.

— За что? — спросил Марк.

— За обслуживание. Так написано.

— А за эфир?

— Эфир по счётчику.

Кабель из накопителей шёл в стену мимо счётчика. Счётчик стоял на отдельном вводе, тонком, и считал лампы, розетку и, может быть, чайник.

— Аркадий Петрович. Счётчик считает ваши лампы. А накопители — нет.

— В смысле нет?

— А вот так. — Марк показал на дыру. — Кабель идёт мимо. Вы платите за свет в теплице, а тепло идёт по другому проводу, которого в схеме нет.

Кузьмин молчал, глядя в дыру.

— В отчётах это называется потерями, — сказал Марк. — Когда потери кого-то спросят, покажут на вашу теплицу. У вас нет ни договора, ни заявки. Есть наклейка, чужой счётчик и бумажки за обслуживание.

— Мне сказали, документы потом.

— Конечно, потом.

Собака заскулила. Кузьмин прикрикнул на неё без злобы, и она замолчала.

— Я не вор, — сказал он. — Я просто хотел, чтобы теплицы не замёрзли.

В блокнот это легло дословно. Такие вещи в объяснениях пишут своими словами, а он предпочитал чужие.

— А вы кто такой? — спросил Кузьмин.

— Инженер. Диагност.

— А говорите как прокурор.

В углу теплицы стояла старая печь, топка заложена кирпичом и побелена. Кузьмин перехватил взгляд.

— Дедова. Углём топили, я ещё застал: зола летела на стёкла, и её мыли каждую неделю.

— А теперь?

— А теперь счётчик. — Он потрогал трубу, которая шла от накопителей. — И золы нет.

Они вышли. Кабель шёл под снегом вдоль забора и уходил в землю за гаражами. Марк присел и разгрёб снег рукавицей: под ним был асфальт, и в асфальте — борозда, залитая битумом. Битум был чёрный, без трещин и без песка.

— Здесь. Вот врезка. Резали в декабре или в январе.

— И что теперь? — Кузьмин сплюнул в снег. — Я же не при делах, мужик.

— Теперь я вызову надзор. Вы дадите объяснение: дату, фургон, людей, всё, что помните.

— А мне что за это будет?

— Не знаю. Зависит от того, что вы скажете.

Кузьмин почесал затылок под шапкой.

— Я скажу. Только вы меня не сдавайте, а?

— Покажите всё, что помните. Дальше я сам.

Он отошёл к забору и набрал Веру. Она ответила сразу.

— Кольцова.

— Это Ильин. Я нашёл врезку. Теплицы на границе Солнечного и Посада, Тепличный проезд, семнадцать, хозяин Кузьмин. Шесть накопителей, счётчик с пломбой, наклейки подрядчика.

— Ждите, я еду. — В трубке звякнули ключи. — Ничего не трогайте.

— И ещё. К нему восьмого января приезжал белый фургон с молнией. За два дня до аварии.

В трубке стало тихо, только у неё под капотом работал двигатель на холостых.

— Восьмого, — сказала она. — Вы уверены?

— Он уверен. Я записал.

— Тогда ничего больше не трогайте. Даже снег.

Она приехала через сорок минут, одна, с сумкой, в которой гремели пломбы и бланки. Пошла не к нему, а к ящикам, и первое, что сделала, — пересчитала их и записала.

— Шесть. — Она подняла голову. — Наклейки сфотографировали?

Марк показал снимки. Вера сверила их с ящиками по трём углам и записала номера.

— Ящики их, — сказала она, прочитав вторую наклейку. — «Крутогорск-Эфир-Сервис».

— А стоят на частной территории.

— Это я и записываю.

Она присела и потрогала заземление, потом реле, потом паклю в дыре.

Марк достал из сумки эфиромер, зажал клещами кабель и снял замер. Стрелка показала одиннадцать потоков, без скачков, как тянет небольшая котельная.

— Сколько это? — спросила Вера.

— Одиннадцать потоков. — Он постучал по корпусу эфиромера, но стрелка стояла там же. — Много. За месяц это уже не теплица, а небольшое производство. Но цифру надо брать из журнала, а не с прибора.

— Журнала нет и не будет.

— Вот это и плохо.

Вера посветила на пломбу телефоном и прочитала оттиск.

— «ЭС-24». Это не надзор и не «Магисети». Это подрядчик.

— Это что-то значит?

— Пока значит, что подрядчик ставил здесь своё имущество и не боялся, что спросят. — Она записала.

Она разложила на ящике бланк и стала писать.

— Я напишу материал, — сказала она, заканчивая строку. — Хищение эфира: накопители, счётчик, наклейки. Это подтверждается фотографией и описью.

— А защиту на ТП-9 кто вывел?

— Этого в ящиках нет. — Она перевернула лист. — Ферма тянула. Защиту вывели руками, на подстанции. Это два разных действия, и в ящиках есть только первое.

— В вашей бумаге будет ферма. А закроют на Кузьмине.

— С материалом о хищении я запрошу наряд и журнал по ТП-9, — сказала Вера. — Без материала мне их не дадут.

— Кузьмин уже назвал того, кто приезжал. От Гурьева.

— Тогда в материале появится фамилия. — Она записала.

Она опечатала ящики и щиток счётчика лентой и пломбой, составила опись в двух экземплярах и дала Кузьмину подписать. Он подписал, не читая, и потом долго смотрел на свою подпись: чернила были синие, буквы крупные, как у человека, который редко держит ручку.

Вера заставила Кузьмина повторить про восьмое января при ней и записала: восьмого, белый фургон, двое — один в спецовке, второй в пальто, — обещали отключить через месяц.

— Объяснение напишете завтра. В надзоре, к девяти.

— А теплицы?

— Теплицы пока ваши. Вечером приедет бригада, отключит контур; ящики не трогать до описи.

— А помидоры? — Кузьмин мотнул головой на стеллажи.

— Помидоры переживут.

Кузьмин пошёл в дом и вернулся с визиткой. Простая, белая, с логотипом и одной строкой: «ООО „Крутогорск-Эфир-Сервис“. Отдел развития. Ветров А. К.».

— Кто вам её дал?

— Тот, с папкой. Сказал: позвоните, если что.

Визитку он сфотографировал и перевернул: на обороте ничего не было.

— В отделе развития три человека, — сказала Вера. — И ни одного Ветрова.

— Тогда откуда визитка?

— Визитку печатают в типографии, а не в отделе кадров. — Она забрала карточку, вложила в пакет и подписала. — Заказать бланк может любой, у кого есть логотип. А те, кто не подписывает бумаги, не числятся нигде.

— Завтра в мэрии слушания по тарифу, — сказала она, застёгивая сумку. — Придёте?

— Меня не приглашали.

— Я вас оформляю специалистом. На слушаниях этого хватит.

Она пошла к машине, достала из бардачка термос и налила в крышку. Пар над крышкой сразу сдуло ветром. Вера обхватила её обеими руками — пальцы у неё были красные до костяшек, — подождала, пока они отойдут, и выпила не спеша.

— Рапорт к утру. Без выводов: адрес, замеры, наклейки, визитка.

— Напишу.

— И про Костю напишите. Отдельно.

— Он ребёнок. Ему двадцать три.

— Он свидетель. И, возможно, соучастник. Это решать не вам.

Костя стоял у забора спиной к теплицам.

— Ты знал про эту ферму?

Он обернулся и потоптался на месте.

— Нет.

— Ты назвал его по имени до того, как он представился.

— Я... слышал. В бригаде говорят.

— Что говорят?

— Что в Посаде есть мужик, который берёт эфир. Что к нему не лезут. Потому что это частники, не наше дело.

— И ты ему не подсказывал, что мы приедем?

— Нет. — Костя ответил раньше, чем Марк закончил вопрос.

— Костя.

— Я думал, они просто греются. — Он говорил тише и сам себя поправил: — То есть я не знал, что это связано с девятой.

— Иди к машине. И не отходи от неё, пока я не позову.

Костя пошёл. У забора он обернулся, но Марк не смотрел в его сторону.

Кузьмин стоял у теплицы, и собака тыкалась ему в ногу.

— Вы напишете, как было? — спросил он.

— Напишу.

Он вернулся к машине и достал блокнот: «Теплицы, Тепличный, 17. Накопители — 6. «Стройэфир» и КЭС. Счётчик с пломбой «ЭС-24». Визитка: Ветров А. К., отдел развития. Фургон — 8.01, белый, молния. Кузьмин — свидетель, боится. Костя знал про ферму — проверить».

Он открыл на телефоне снимок визитки и набрал номер. Аппарат абонента выключен. Потом открыл базу сотрудников концессии — ту, к которой у «Магисетей» был доступ по договору. Ветров А. К. в ней не значился. Марк перечитал список дважды: сто двенадцать фамилий, ни одной подходящей.

Ольга позвонила, когда он уже отъехал от фермы.

— Ты заберёшь Соню в субботу? — спросила она без предисловий.

— Заберу. В одиннадцать.

— Она ждёт. — В трубке звякнула кружка о стол. — И ещё. Мне дали бумаги по девятому дому. Я посмотрела акт: там стоит подпись, которой не должно быть.

— Чья?

— Не сейчас. — Заговорила она как на совещании. — В субботу, когда приедешь.

— Ольга. Это важно.

— Вот поэтому и не сейчас.

В трубке пошли короткие гудки. Марк посидел, глядя на телефон, потом убрал его в карман.

Через минуту пришло сообщение от Сони: «До субботы два дня. Я посчитала».

Он ответил: «В одиннадцать. Буду».

Печка в машине гудела, но не грела: термостат в ней сломался ещё в декабре, а руки до него не доходили.

Глава 5. Концессия

В пятницу надзор открылся в восемь сорок — на двадцать минут раньше обычного: в десять начинались слушания по тарифу, и Вера собиралась прийти туда инспектором, а не безымянным человеком с папкой, который стоит в дверях и ищет свободный стул.

Марк принёс рапорт без пяти девять. Рапорт вышел на двух листах, написан крупно и без зачёркиваний: лист он придерживал локтем, потому что левая ладонь под бинтом не держала ничего, и почерк от этого получался честнее, чем был.

— Про Кузьмина отдельным абзацем, — сказала Вера.

— Отдельным. И про замер: одиннадцать потоков.

— Плохо, что без журнала. Хорошо, что вы это написали. — Она перевернула лист. — Про Костю написали?

— Написал. Три строки: знал про ферму, молчал, назвал хозяина по имени раньше, чем тот представился.

— И вывод?

— Вывода нет. Я написал, что было.

Вера подчеркнула последнюю строку и ничего не сказала.

В кабинете появился второй стул. Неделю назад у пустого стола не было ничего, кроме пыли; теперь там лежали термос, коробка пломб и распечатка инвестиционной программы с подчёркнутой от руки девятнадцатой строкой. Стул был единственным изменением за эти дни, и Марк сел на него, не спросив.

— Вы идёте как специалист надзора, — сказала Вера. — Не как инженер «Магисетей». Специалист.

— Я понял.

— Вы не поняли, но это ничего. — Она достала из коробки пломбу и повертела её в пальцах, будто проверяла, работает ли. — В зале вас спросят, на каком основании вы задаёте вопрос. Основание — рапорт и акт комиссии.

Кузьмин пришёл в девять, в телогрейке поверх пиджака, с авоськой. Собаку оставил у проходной, и оттуда доносился вой, который вахтёр называл концертом по заявкам.

— Это вам, — сказал Кузьмин и поставил на стол трёхлитровую банку. — Свои, с прошлого года.

— Не надо.

— «Не надо» — это не отказ, — сказал он и сел.

Вера открыла на компьютере пустой бланк объяснения и поставила курсор в первую строку. Печатала она двумя пальцами, быстро и без ошибок, и это было единственное, что в ней не отдавало канцелярией: так печатают люди, которые когда-то учились на машинистку.

— Кузьмин Аркадий Петрович, пятьдесят пять, Тепличный, семнадцать, — сказал он, не дожидаясь вопросов. — Теплицы. Работаю сам, собака есть.

— Восьмого января к вам приезжали двое на белом фургоне. Один в спецовке, второй в пальто.

— Приезжали. Второй с папкой, всё записывал. Потом достал бумагу и говорит: подпишите, что не против.

— Подписали?

— Подписал. — Кузьмин рассматривал свои руки. — Копию мне оставили, а я ею печку растапливал.

Вера перестала печатать и подняла голову.

— Раньше надо было сказать.

— А я что, знал, что вы придёте? — Кузьмин пожал плечами. — Я думал, это просто бумажка.

— Про оплату что говорили?

— Сказали: мастер приедет, всё покажет. Мастер не приехал. Раз в месяц приезжал молодой, брал шесть тысяч и уходил. — Он кивнул на квитанции, которые Вера уже подшила. — За обслуживание.

— За что именно?

— Так написано. — Кузьмин подумал. — Я думал, за то, чтобы не отключили.

Вера перестала писать:

— Вам говорили, что делать, если придут проверять?

Кузьмин поёрзал на стуле и обернулся на дверь, будто прикидывал, успеет ли выйти.

— Говорили. Сказали: если что, вас тут не было. Я и говорю: меня тут не было.

— А вы были?

— Был, — сказал он. — Куда я денусь. — И, помолчав: — Собака у проходной воет. Второй час.

Копию описи Кузьмин держал двумя руками и водил по строкам пальцем, хотя читать там было нечего.

— А что мне за это будет?

— Пока — ничего. Дальше — как напишете. — Вера закрыла папку. — Правду — одно, неправду — другое. Идите, Аркадий Петрович. Через неделю зайдёте.

Он уже взялся за дверь, потом обернулся:

— Помидоры у меня в теплице. Контур вчера отключили. Замёрзнут.

— Эти — переживут, — сказала Вера и кивнула на банку.

Кузьмин посмотрел на банку, потом на неё, и вышел.

Вера подождала, пока закроется дверь, и развернула распечатку.

— Семнадцать: замена защитных контуров, девять единиц, двадцать четыре — двадцать шесть. Восемнадцать: ремонт кабельных вводов, четырнадцать. Девятнадцать: реконструкция ТП-4.

— Четвёртая — это ТП-4? — Марк наклонился к листу.

— Та самая. — Вера провела ногтем по строке. — Деньги освоены на сто процентов. Работы не начаты: на четвёртой с осени стоит старый щит, я туда ездила.

— А в отчёте?

— В отчёте «освоение — сто процентов, выполнение — в соответствии с графиком». — Она сложила лист пополам. — Я спрошу про девятнадцать. Вы — про контуры. Один вопрос.

— У меня их два.

— Один. Второй задам я.

— А если я успею?

— Тогда вас прервут, — сказала Вера. — И это будет хуже, чем один вопрос.

Она убрала распечатку в папку.

— И ещё, Ильин. Северин будет говорить про надёжность. Не спорьте с ним про надёжность. Спросите про цифры: он не любит цифры, которые считал не он.

— Тридцать восемь при разрешённых тридцати. А в акте написано, что нагрузка была в пределах разрешённой.

— Тем лучше. Значит, вы называете не свою цифру, а противоречие в акте.

В девять сорок Марк вышел на улицу. Мороз стоял ровный, без ветра, и до мэрии он доехал за десять минут: в этот час город ехал в центр, а не из центра.

У входа стояла рамка, которую никто не включал, и женщины за столом проверяли сумки на глаз.

— Ильин, специалист надзора.

Женщина провела пальцем по списку, нашла его между двумя фамилиями и протянула бейдж.

— Вопросы с места, по одному, после доклада, — сказала она. — Не перебивать.

Зал был рассчитан на двести человек, пришло больше. Пенсионеры сидели в пальто, активисты держали папки на коленях, у стены стояли журналисты с телефонами, в первом ряду женщина с ребёнком делила печенье на двоих, и в третьем, у прохода, сидела женщина в хорошем пальто с брошью на лацкане — она смотрела на сцену так, будто знала цифры раньше докладчика.

Марк сел в третьем ряду с краю. Вера прошла мимо и села через два ряда, демонстративно не рядом.

Сцена была украшена баннером «Надёжность. Развитие. Тариф», и от баннера пахло свежей краской: его напечатали вчера и проветрить не успели. На сцене стоял длинный стол с графином и стаканом, который никто не наливал; за ним сидели трое — Тамара Ильинична из городского хозяйства, человек из областной службы по тарифам и Северин.

Северина Марк видел только на фотографиях. Вживую он был крупнее и спокойнее, сидел, положив руки на стол, и смотрел в зал так, будто уже знал, кто что спросит.

Слушания открыла Тамара Ильинична. Она сказала, что тариф — это не про деньги, а про надёжность, и что инвестиционная программа исполнена на сто два процента. В зале никто не удивился.

Потом слово дали Северину, и он поправил пиджак.

— За два года мы заменили сорок два километра сетей, — сказал он. — Модернизировали семь подстанций, снизили аварийность на двенадцать процентов, потери — с одиннадцати до восьми.

Он нажал кнопку на пульте. На экране появилась карта города с семью зелёными точками, и проектор просел: в буфете за стеной включили кофейник, и старая эфирная лампа отозвалась на это так, как отзывалась на всё, что висело на том же фидере.

Вера поставила галочку на полях. Марк записал в блокнот: «11 → 8».

Восемь процентов — это норматив. Столько разрешено терять в сетях, и столько заложено в тариф. Северин говорил «снизили с одиннадцати до восьми» так, будто вернул долг, о котором никто не помнил.

Один процент от концессионного тарифа — почти пять копеек с эфир-часа: за час концессия получает четыре восемьдесят, население платит шесть. Квартира, которая берёт сто пятьдесят часов в месяц, отдаёт за эфир девятьсот рублей; процент с платёжки — девять рублей, с концессионной выручки за те же часы — семь двадцать.

— Инвестиционная программа исполнена, — продолжал Северин. — Тариф, который мы предлагаем, — это не повышение. Это стоимость надёжности. Мы понимаем, что для горожан это чувствительно, поэтому предлагаем поэтапный рост: пять процентов в первом полугодии, три — во втором. Взамен город получает предсказуемую сеть вместо латания дыр.

Он говорил ровно, без пафоса, и каждое слово стояло там, где должно было стоять в его отчёте.

— Будут вопросы? — спросила Тамара Ильинична, и в зале поднялось несколько рук.

Пенсионер спросил про скидку; Северин ответил, что льготную категорию определяет закон, а не компания. Активист из третьего ряда спросил про качество; Северин ответил, что качество — это регламент, риск — это процесс, и то и другое стоит денег.

Женщина у стены, с телефоном на шнурке, спросила, почему тариф растёт, а аварии не прекращаются.

— Аварии не прекращаются нигде, — сказал Северин. — Вопрос в том, сколько их. У нас минус двенадцать процентов за три года. Это хороший показатель.

— А что с девятой?

— Девятая — предмет проверки. Я её не комментирую.

Марк поднял руку, и Тамара Ильинична кивнула ему, не глядя в список.

— Ильин. Инженер-диагност «Магисетей», привлечён надзором как специалист.

В зале стало тише, и за стеной снова загудел буфет.

— Вопрос по существу тарифа. В инвестиционной программе, строка семнадцать, — замена защитных контуров на девяти объектах. На ТП-9 защитный контур выведен из работы вручную. В акте комиссии написано, что контур исправен. Вопрос: строка семнадцать относится к тем контурам, которые выводят из работы?

Северин не изменился в лице — он вообще не делал движений, которые можно заметить.

— На девятой произошёл инцидент, — сказал он. — Идёт проверка, и до её окончания мы это не комментируем. Что касается программы: она рассчитана на три года, и не все работы выполнены в срок. Для инфраструктуры такого масштаба это нормально.

— То есть контур мог быть выведен по программе?

— Контур мог быть выведен по регламенту. Для работ.

— Какие работы шли на девятой десятого января?

— Этого я не знаю.

— А кто знает?

— Тот, кто вёл работы.

— Кто вёл работы, если не концессия?

Северин обернулся к Тамаре Ильиничне, и та посмотрела на часы.

— Информацию предоставим по запросу надзора, — сказал он. — Не в зале.

В зале зашумели. Женщина с ребёнком в первом ряду перестала грызть печенье, и ребёнок потянулся за следующим.

— У меня ещё один вопрос, — сказал Марк.

— У вас был один, — сказала Тамара Ильинична.

— Он из того же акта.

Кто-то в задних рядах сказал: «Пусть спросит». Тамара Ильинична поджала губы и кивнула.

— Нагрузка на фидере в момент аварии была тридцать восемь потоков при разрешённых тридцати, — сказал Марк. — А в акте написано, что нагрузка была в пределах разрешённой. Защита настроена на тридцать два. Если контур выведен, защита не работает. Если защита не работает, нагрузку ничто не ограничивает. Вопрос: кто вывел контур до аварии, а не после?

— На этот вопрос ответит следствие.

— Я спрашиваю концессию.

— Концессия ответит следствию.

— А городу?

В зале захлопали — не дружно, как в театре, а вразнобой, с мест, и кто-то сказал «во» громче, чем хлопали.

Тамара Ильинична дважды постучала ручкой по графину, и в зале стихли.

— Уважаемые, мы здесь по тарифу, а не по аварии. Давайте вернёмся к повестке.

— Кольцова, надзор, — сказала Вера, поднимая руку. — Строка девятнадцать: реконструкция ТП-4. Деньги освоены, работы не начаты. Как это соотносится?

— Работы начнутся в этом году, — сказал Северин.

— Деньги освоены в прошлом.

— Освоение и завершение — разные вещи.

Зал засмеялся, а Северин смотрел на людей и, кажется, не понимал, над чем.

— Вопрос будет передан в комиссию, — сказала Тамара Ильинична и объявила перерыв.

Слушания кончились в четверть двенадцатого, и тариф ушёл в область с поправкой — четыре процента и два. Пенсионеры остались недовольны, активисты — тоже, концессия — по-своему.

В коридоре было тесно и жарко, пахло мокрой шерстью и кофе из автомата. У гардероба стояла очередь, и в этой очереди женщина с ребёнком придержала Марка за рукав.

— А правда, что дом сгорел из-за них?

— Правда, что дом сгорел, — сказал Марк. — Кто виноват, решает следствие.

— А вы?

— А я считаю.

Она увела ребёнка. Марк ещё смотрел ей вслед, когда рядом остановилась журналистка с телефоном на шнурке.

— Полина Кравец, городской канал. — Телефон она держала как диктофон, но не включала. — Вы с девятой?

— Дежурил в ту ночь.

— Можно два вопроса?

— У меня к вам тоже один.

Полина чуть опустила телефон, но не убрала его.

— Вы спросили про аварии. Спросите ещё вот что: почему наряд на вывод защиты на девятой датирован двенадцатым января, если авария была десятого.

— Это проверяемо?

— Это документ.

— У вас он есть?

— Есть.

— Покажете?

— Нет.

Вера бы эту бумагу не взяла: копия без постановления ничего не стоит. Северину одному не ответить. Оставался человек с телефоном, который уже спросил то, что нужно.

Она смотрела на него ещё секунду, без обиды, и убрала телефон в карман.

— Документ видели или слышали?

— Видел.

— И где он сейчас?

— Не у меня.

— Это я проверю, — сказала она. — Я позвоню.

Она ушла к выходу. Вере он про этот разговор не сказал.

— Ильин, — сказали сбоку.

Северин стоял в двух шагах, в расстёгнутом пальто, с папкой под мышкой, и люди обходили его, не задевая. В коридоре он оказался выше, чем на сцене.

— Можно вас на минуту?

Марк оглянулся. Вера стояла у стены и делала вид, что проверяет телефон.

Они отошли к окну в конце коридора. За окном шёл снег и медленно ехали машины.

— Вы хорошо задаёте вопросы, — сказал Северин. — Я серьёзно. Так готовятся единицы.

— Спасибо.

— Только задаёте не там. В зале люди пришли за тарифом, а не за вашей аварией. Для этого есть надзор, следствие и суд.

— Тариф — это и есть защита, — сказал Марк. — Если контура нет, тариф — это цена аварии.

Северин улыбнулся, и улыбка была не злая, скорее усталая, как у человека, который слышал этот довод много раз и каждый раз не мог на него ответить.

— Красиво. Вы понимаете, что после сегодняшнего я обязан обратить на вас внимание?

— Обращайте.

— Я не про угрозы. Я про то, что теперь вы в деле. А в деле выигрывает тот, у кого больше бумаг. У меня их больше.

— У меня есть наряд.

— У меня сто нарядов. И каждый подписан тем, кто его оформлял. В том числе вашим Сомовым.

— Откуда вы знаете про Сомова?

— Я знаю про ваш акт, — сказал Северин. — Двадцатый год, семнадцатая. В том деле есть и моя подпись, под расчётом потерь. Мы оба подписали бумаги, которые писали не мы. Разница в том, что расчёт можно пересчитать, а вывод — нет.

— Это шантаж?

— Это предложение. Технадзор концессии, оклад выше, машина, без ночных смен. Подумайте.

Он достал визитку и протянул. Марк не взял.

— Как хотите, — сказал Северин и убрал карточку. — Но запомните: спрашивать может каждый. Отвечать будете вы.

Он пошёл к выходу, и очередь у гардероба расступилась перед ним сама, без просьбы.

Марк ещё стоял у окна, когда подошла Вера.

— И что он хотел?

— Предложил работу. Технадзор, оклад выше, машина, без ночных.

— А ещё?

— Сказал, что знает про мой акт. И что в том деле есть его подпись.

Вера убрала телефон в карман и посмотрела на него так, как смотрят на прибор, который показывает не то, что должен.

— Вы подписали?

— Подписал.

— Тогда слушайте. Пока вы специалист, ваши замеры — это замеры. Как только в деле всплывёт ваш акт, они станут замерами человека, которому нужно закрыть свой двадцатый год. Любой адвокат это скажет, и будет прав.

— И что делать?

— Искать копию. Ту, что легла в дело, а не ту, что лежала у вас в гараже.

— В гараже её нет. Её вынесли четырнадцатого, вместе с декабрьской.

— Значит, архив. Если его не вынесли до нас.

Она пошла к выходу и на ходу сказала, не оборачиваясь:

— Он знал про акт до сегодняшнего дня. И ждал, когда вы начнёте.

На улице Марк сел в машину и завёл её. Уезжать не хотелось, и он просидел так минут десять, глядя, как из подъезда мэрии выходят люди и расходятся кто куда.

Он написал Сомову: «Северин знает про акт. Позвоните». Ответа не было и через десять минут.

Ольга позвонила, и он ответил, не успев отъехать от мэрии.

— Ты был в мэрии?

— Был.

— Директор приехала со слушаний злая. Вызвала меня и спросила, помогала ли я тебе с актом.

— А ты?

— Сказала, что нет. И это пока правда: акт я тебе не передавала.

— Ольга.

— Она сказала, что акт согласован и что там всё правильно. И что мне надо написать объяснительную: что я акт не проверяла, а только готовила расчёт.

— Ты написала?

— Нет. — Пауза. — Пока нет.

Марк переложил телефон из правой руки в левую и обратно: ладонь под бинтом ныла от руля.

— Ты приедешь завтра?

— Приеду. В одиннадцать.

— И коньки, — сказала Ольга. — Тридцать шестой. И не бери на вырост.

— Почему?

— Потому что она и так катается плохо, а в больших ноги мёрзнут.

Ольга повесила трубку, не дожидаясь ответа, и он ещё секунду слушал короткие гудки.

В спортивном магазине на первом этаже пахло резиной и холодом. Продавщица в жилетке поверх свитера посмотрела сначала на бинт, потом на покупателя, и только потом спросила:

— Вам какие?

— Детские. Девочке двенадцать, катается плохо.

— Размер?

— Сейчас.

Ольга ответила на второй гудок, и в трубке было слышно, как у неё на кухне работает телевизор.

— Тридцать шестой. И не бери самые дешёвые: у дешёвых застёжки на морозе лопаются.

На полке стояли тридцать шестой и тридцать седьмой, и разница в цене была четыреста рублей.

— Берите тридцать седьмой, — сказала продавщица. — На вырост. Через год всё равно менять.

— Ей сейчас кататься.

— Сейчас и в тридцать седьмом покатается. Зашнуруете туже.

Он купил тридцать седьмой и попросил пакет, хотя у коробки была ручка.

— Взял тридцать седьмой, — сказал он в трубку.

— Ты всегда берёшь на вырост, — сказала Ольга.

— Она растёт.

— Все так говорят.

Он вышел на улицу. Телефон зазвонил, когда он уже подъезжал к дому; номер был городской, и Марк ответил, не сбавляя скорость.

— Ты мне писал? — спросил Сомов.

— Писал.

— Я сообщения не читаю. Что случилось?

— Северин знает про акт.

В трубке стало тихо, только шуршало — Сомов перекладывал бумаги или тёр щёку.

— Знал, — сказал он наконец.

— И ты молчал?

— А что мне было сказать? Что я тебя подставил? Я тебя не подставлял, Марк. Я тебя прикрыл.

— От чего?

— От того, что было бы, если бы ты тогда не подписал.

Марк остановился на светофоре. За окном горел красный, и снег в его свете был оранжевым, как на старых снимках.

— Пётр Ильич. В акте по девятому дому подпись, которой быть не должно. Ольга говорит.

— Завтра поговорим.

— Когда завтра?

— Днём. Я наберу.

Загорелся зелёный. Марк поехал, и коробка с коньками на заднем сиденье съехала к дверце и так и осталась.

У подъезда он вспомнил, что за весь день не съел ничего, кроме стакана чая в надзоре, и что дома его ждёт вчерашняя варёная картошка.

Глава 6. Сомов

В субботу с утра было минус двенадцать, и каток в парке за рынком держал лёд на двух потоках. Третий концессия сняла ещё в семь: в выходной город включает чайники и обогреватели, и лёд в парке — не самый срочный лёд в системе.

Держали его не морозом. В пристройке за бортом стояла эфирная холодильная установка, старая, обросшая наледью, и пока в контур шли два потока, лёд оставался льдом. Когда сняли третий, гул стал ниже, у борта лёд отпустил и потемнел.

Марк приехал в одиннадцать и поставил машину за углом, у гаражей: двор чистили, и въезд перегородил трактор с поднятым ковшом. Пока шёл, пальцы в рабочих перчатках замёрзли за полсотни шагов.

Соня стояла у подъезда в куртке, застёгнутой до подбородка, и в шапке, надвинутой на глаза. Руки она держала в рукавах, а не в варежках, и по этому было видно, что стоит она тут давно.

— Я думала, ты не придёшь, — сказала она вместо «здравствуй».

— Я пришёл. — Марк проверил время, хотя знал его. — В одиннадцать был у гаражей.

— Сейчас одиннадцать ноль две. — Она не полезла в телефон. — Я стояла и считала.

— Две минуты, — сказал он. — Это не опоздание.

— Две минуты — это много. Я тут стою, а тебя нет.

Марк снял шарф и намотал ей на шею. Шарф был длинный, шерстяной, и Соня в нём сразу стала меньше.

— Он колючий, — сказала она.

— Зато тёплый.

— Всё равно колючий. — Но не сняла.

Она увидела коробку и замолчала.

— Это коньки, — сказал Марк и протянул коробку.

— Я не просила коньки.

— Просила.

— Я просила прийти, — сказала Соня. — А коньки — это ты сам придумал. — Она взяла коробку двумя руками, как берут чужое и дорогое.

— Тридцать седьмой, — прочитала она на боку.

— Тридцать седьмой.

— Мама сказала тридцать шестой.

— Тридцать седьмой — на вырост, — сказал Марк. — Через год будешь кататься в нём.

— Через год я, может, разлюблю кататься.

— Тогда купим лыжи.

— Ты не умеешь на лыжах.

— Научусь.

Она прищурилась, будто проверяя, шутит он или нет, и сунула коробку под мышку.

До катка было два двора. Соня шла впереди и несла коробку сама, хотя он предлагал.

На катке каталось человек тридцать, и половина держалась за бортик. Скамейка у входа была засыпана снегом; Соня села на край и стала зашнуровывать коньки — медленно, по одной застёжке.

— Я сама, — сказала она, когда он присел.

— Я знаю. — Он всё равно взял второй конёк и перешнуровал: туже, с двумя оборотами вокруг крючка. — Проверяю.

Она не стала спорить и только сопела от старания. Потом стянула варежки — на правой была заплатка в виде снежинки — сунула их в карман и вышла на лёд, держась за бортик обе-

ими руками. Первые метры она прошла боком, как ходят по скользкому полу; потом отпустила одну руку, потом другую, проехала два шага и снова схватилась.

— Ты почему не катаешься? — спросила она, не отпуская бортика.

— Не взял коньки, — сказал Марк. — Не успел.

— Снова ты не успел, — сказала Соня.

— Снова, — согласился он. — В следующий раз возьму.

— Ага, — сказала она и оттолкнулась. Проехала три метра, медленно, с прямой спиной, будто держала равновесие из одного упрямства, и обернулась — проверить, смотрит ли он. Он смотрел. — Видел?

— Видел.

— Я умею.

— Умеешь, — сказал он.

Соня нахмурилась не на слово — на то, как оно вышло, будто он похвалил прибор, который сработал по паспорту.

— Умеешь, — поправился он. — Только далеко от бортика не отъезжай.

— Я не отъезжаю, — сказала Соня и тут же схватилась за бортик.

Марк достал телефон и снял — Соня как раз расставила руки и что-то крикнула. Она заметила и сделала вид, что нет.

В четверть двенадцатого за пристройкой щёлкнуло реле: сняли второй поток. Установка осталась на одном, гул просел, и лёд под коньками сразу стал вязким: таять он не начал, но держать перестал. По катку прошёл общий вздох, с каким люди падают одновременно: у борта повалились двое подростков, женщина с сумкой схватилась за стойку, а Соня поехала вперёд — потому что уже отпустила бортик.

Марк успел за капюшон: рывок на себя, шаг назад. Левая ладонь под бинтом отозвалась так, что он присел на корточки и с полминуты смотрел в лёд, где под прозрачной коркой медленно расходилась трещина.

— Ты чего? — Соня наклонилась к нему. — У тебя рука в бинте.

— Обжёг, — сказал Марк. — На работе.

— Сильно?

— Нормально. — Он сел прямо. — На морозе ноет, это не страшно.

— Покажи.

— Не здесь. — Он натянул перчатку.

— А людей ты спасаешь? — спросила она у выхода.

— Нет. Я чиню провода.

— А если провод сломался и кто-то умер?

— Тогда я ищу, кто сломал.

— Находишь?

— Иногда, — сказал Марк. — Чаще нахожу, почему сломалось, а не кто.

— А если не находишь?

— Ищу дальше.

— А ты не устаёшь? — спросила Соня.

— Устаю.

— Тогда пошли, у меня ноги замёрзли.

В кафе на углу было тепло и тесно, пахло ванилью и мокрой шерстью. За стойкой работал эфирный чайник, старый, с пломбой на шнуре: пломбу ставили, чтобы никто не открутил регулятор и не взял лишнего. Чайник брал две сотых потока и грел воду так ровно, что казался единственным в городе прибором, который работает по договору.

Марк взял два чая и пирожное с розовым кремом. Соня уставилась на тарелку, потом на него.

— Ты помнишь.

— Что помню?

— Что я беру с розовым.

— Это несложно.

— Всё равно.

Она стала есть, отковыривая крем ложкой, и рассказала про школу: про Варю, которая перестала с ней разговаривать, потому что Соня будто бы сказала про её куртку, и про то, что в их подъезде до сих пор пахнет гарью.

— А ты спросила, зачем ей так думать? — спросил Марк.

— Спросила. Она сказала, что я сама знаю.

— А ты знаешь?

— Нет.

— Тогда скажи, что не знаешь.

— Я говорила. Она не верит.

Марк хотел сказать, что надо просто поговорить, но понял, что сам не умеет. В схемах он находил место, где не сходится, и показывал; с людьми это не работало.

— В школе говорят, что это был мальчик из четвёртого класса, — сказала Соня. — Его Сева зовут.

Марк поставил чашку и спросил, знает ли она его. Соня мотнула головой: он новенький, его увезли в больницу. Марк сказал, что знает — видел; тогда она спросила, умрёт ли мальчик, и он сказал: нет.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

— Мне сказали врачи, — соврал Марк. Врачи ему ничего не говорили; он знал только, что мальчик в больнице и что ожог дыхательных путей — это долго.

— Пахнет? — спросил он, чтобы сменить тему.

— В подъезде пахнет, — сказала Соня. — Мама говорит, это от коллектора. Он один на три дома, и после пожара его не чистили.

— Мама права. — Он подумал и добавил: — Скоро перестанет.

— Ты опять врёшь, — сказала она.

— Нет. Я думаю, что скоро.

Она не поверила и стала собирать крошки салфеткой, аккуратно, в одну горку.

— А можно ещё одно? — спросила она.

— Можно.

— Только маме не говори.

— Не скажу.

Она взяла второе и ела медленнее, будто оттягивала.

В двенадцать позвонил Сомов. Голос был тот же, что вчера вечером, когда он сказал «завтра поговорим».

— Приезжай в гараж. Есть разговор, — сказал он.

— Какой разговор?

— Не по телефону. Скажем так: до понедельника.

— Я с Соней, — сказал Марк. — Мы в кафе. У нас ещё час.

— Знаю, что ты с Соней. Суббота же. — Сомов не сразу ответил. — Час подождёт. В понедельник отчёт подпишут, и если хочешь что-то сделать, делай до понедельника.

Марк нажал отбой. Соня смотрела в окно, но ложку держала неподвижно.

— Надо ехать, — сказал он.

— Куда?

— На работу.

— В субботу?

— В субботу.

— Ну конечно, — сказала она и отодвинула тарелку.

— В следующую субботу буду в десять.

— Ты всегда приезжаешь в следующую субботу.

— В десять, — повторил он.

Она не ответила.

Он отвёз её домой. У самого входа она обернулась — коротко, будто проверяя, ушёл он или нет, — и скрылась в подъезде. Он постоял ещё минуту, глядя на окна третьего этажа, и только потом поехал.

Ольга стояла в дверях в домашнем свитере, но с деловой осанкой. Одной рукой она держала дверь, другой — край кармана, из которого торчал сложенный чек.

— Заберёшь в следующие выходные? — спросила она.

— Заберу. В десять.

— В десять? — переспросила Ольга.

— В десять.

Она подняла бровь и чуть отступила в дверях, освобождая проход, но не приглашая.

— Ты сегодня на работе?

— Нет.

— А вчера?

— Был. — Марк не стал уточнять, где.

— Марк. Я вчера смотрела акт по девятому дому. Там подпись Пахомова.

— Кто это такой? — спросил он.

— Начальник отдела надзора. Тот, который подписывает все бумаги по концессии.

— Ты уверена? — спросил он, хотя уже понимал, что да.

— Я бухгалтер, — сказала Ольга. — Я умею читать подписи.

— Ты можешь дать мне копию?

— Нет. Но я могу сказать, что в акте нет даты. Подпись есть, а даты нет. Так не бывает. — Она переложила руку с кармана на дверь. — Спасибо скажешь, когда будет за что. А это — чтобы ты был осторожнее.

— И вот ещё. — Она отступила в прихожую и вернулась с листом, сложенным вчетверо. — Соня нарисовала для Петра Ильича. Он ей обещал повесить. Передашь?

— Передам.

— Только не потеряй. Она спросит.

Она закрыла дверь тихо, так, как закрывают, когда разговор кончился и продолжения не будет. В замке щёлкнуло дважды: замок и цепочка.

По дороге Марк заехал на базу. В субботу там было пусто, только в диспетчерской горел свет и работал телевизор без звука.

В диспетчерской пахло чаем и разогретой изоляцией; на пульте горели три зелёных и одна жёлтая, и жёлтая мигала с той же частотой, что и неделю назад.

Алла вязала, не поворачиваясь к пульту. Спица шла ровно, и по ней было видно, что пульт она слышит лучше, чем Марк видит.

— Тебя искали, — сказала она, не поднимая глаз от вязания.

— Кто? — спросил Марк.

— Эти, с молнией. Приезжали в обед, спрашивали, на каком основании ты был на Тепличном.

— А ты что сказала?

— Сказала, что не знаю. Что ты сам по себе. — Она отложила вязание. — Я действительно не знаю, где ты был. И знать не хочу.

— Спасибо.

— Мне за это не платят, — сказала Алла.

Марк хотел сесть на край стола, но стол был завален журналами, и он сел на табуретку.

— Марк. Тебе не страшно? — спросила Алла, снова взявшись за спицы.

— Страшно.

— И что?

— Пока не придумал, — сказал он. Она провязала ещё две петли, будто ответ её устроил.

— Девятая так и мигает, — сказала Алла. — Я опять звонила частникам.

— И что ответили?

— Что всё в норме. — Она поджала губы. — Нагрузка растёт, а по бумагам норма. Значит, бумаги у них отдельно от эфира.

— Алла, если я попрошу тебя сохранить журнал ТП-4 за январь, ты сможешь?

— Какой журнал? — не поняла она.

— Тот, который будет.

— Ты думаешь, он будет? — Она отложила спицы. — Четвёртая — не девятая. Её никто не тронет.

— Тронут, — сказал Марк. — Я не хочу потом читать про это в отчёте.

— Про какой отчёт?

— Тот, который напишут без меня.

Алла взяла спицы и провязала ряд, не глядя на петли.

— Сохраню, — сказала она. — Но если спросят, ты у меня журнал не просил.

— Не просил.

В гараж участка, в глубине двора, Марк приехал в час. Ворота были приоткрыты, внутри горела эфирная лампа под жестяным абажуром, и от неё шёл сухой жар, от которого на верстаке коробился дерматин. Лампа тянула десятые доли потока и давала жёлтый, плоский свет; на стекле за много лет нарос серый налёт — эфирный шлак, который в гараже не счищали, потому что свет проходил и так.

Пахло бензином, озоном и бумажной пылью. На верстаке стояла железная пепельница, вымытая до блеска, и в ней лежал один винт.

Марк положил рядом лист, сложенный вчетверо.

— От Сони. Ты сказал, что повесишь.

Сомов развернул лист: ёлка, под ней заяц, синим фломастером, и внизу печатными — «СОНЯ».

— Обещал. — Он сложил лист по старым сгибам и убрал во внутренний карман пиджака, под ватник. — Повешу.

Сомов сидел на табуретке, расставив колени, в ватнике поверх пиджака, застёгнутом на все пуговицы, кроме нижней. Перед ним стояли чайник и две кружки.

Он показал на вторую табуретку, налил чай и только потом положил на верстак папку — тонкую, серую, с загнутым углом.

Внутри лежали два листа. Верхний — наряд 47/26, дата двенадцатое января, подпись Сомова.

— Я себе копию оставил, — сказал Сомов. — Оригинал в деле. Не хочу, чтобы ты думал, будто я тебе ничего не говорил.

— Ты мне не говорил. Ни в пятницу, ни раньше.

— Я говорю сейчас. Смотри: дата, подпись, всё как в деле. Приписки нет.

Приписки действительно не было: ровное поле, подпись внизу, дата в углу.

— А должна быть? — спросил Марк.

— Не знаю, — сказал Сомов. — Я не видел.

Про курьера Сомов сказал только, что фамилии не спрашивал; голос был молодой и спокойный.

— Это был Ветров? — спросил Марк.

— Я не знаю никакого Ветрова.

Он поставил кружку и подвинул её к краю верстака, хотя она стояла ровно. Марк взял чай и держал кружку за края: левая ладонь под бинтом опять отозвалась.

— Ты знал, что защиту вывели?

— Знал, что выведут. По наряду, на регламентные работы. Так и пишут: «вывод защиты на регламент». А что она уже выведена — этого я не знал.

— Тогда откуда на наряде дата?

Сомов молчал долго. В углу гаража капала вода в ведро — с равными промежутками, как считает счётчик, у которого не сходятся цифры.

— Потому что я подписал то, что мне принесли, — сказал он наконец. — Не читая.

— Это наряд на отключение защиты. Двенадцатое января.

— Ошибка в дате, — сказал Сомов. — Перепишут.

— Пётр Ильич, там ребёнок обгорел.

— Я знаю, — сказал Сомов. Он смотрел в стол и не двигался, и только пальцы на кружке побелели.

— Ты знал, что будет авария?

— Я знал, что будет риск. Мне сказали, что защиту выводят на два дня, что нагрузка в норме, что концессия всё держит. Про два дня я проверил. Про нагрузку — нет.

— И ты поверил?

— А ты бы не поверил? — Сомов поднял глаза. — Ты на участке один, тебе звонят сверху и говорят: «Надо». Ты скажешь «нет»?

— Я бы сказал «нет», — ответил Марк.

— Скажешь. А потом тебя уволят, и на твоё место придёт тот, кто скажет «да». И будет то же самое, только без тебя.

— Я не оправдываюсь, — сказал Сомов, хотя Марк ничего не спрашивал. — Я просто говорю, как было.

— Я не просил объяснять.

— А я всё равно объясняю. Потому что ты сейчас решишь, что я злодей. А я не злодей. Я один раз выбрал не то. Потом тридцать лет подписывал, чтобы больше не выбирать. Так оно и выходит.

Он встал, и табуретка скрипнула.

— В понедельник отчёт подпишут. Тебе лучше уехать на неделю. Я тебя спасаю.

— От чего?

— От того, что ты найдёшь.

— Ты знаешь, что я найду?

— Догадываюсь.

— Скажи, — потребовал Марк.

— Нет, — сказал Сомов и взялся за ручку двери.

— Потому что тебя посадят? — спросил Марк.

— Потому что тебя посадят, — сказал Сомов. — А я не хочу быть тем, кто это сделал.

— Ты уже это сделал.

— Знаю, — сказал Сомов. — Поэтому и говорю, чтобы ты уехал.

Он открыл дверь, и в гараж вошёл холод, от которого качнулась лампа.

— Кто такой Ветров?

— Не знаю, — сказал Сомов. — Но он звонил мне в пятницу.

Дверь закрылась. Лампа ещё качалась, и тень от верстака ходила по стене.

Про Ветрова Сомов сказал «не знаю» — и тут же сказал, что тот звонил. Одно из двух было правдой, и Марк поставил бы на второе.

Папка осталась на верстаке. Сомов так и не посмотрел, что под верхним листом.

Марк остался сидеть. На стене висела схема участка, нарисованная от руки: фидеры, потоки, старые номера подстанций, перечёркнутые и подписанные заново. На ней не было ни Тепличного проезда, ни кабеля за гаражами. Зато ТП-4 была обведена красным, и рядом чья-то рука написала: «2019. Не трогать».

Он смотрел на надпись, пока не вспомнил, откуда девятнадцатый. В девятнадцатом концессия получила Солнечный и Верхний. Сомов пришёл на участок с папкой, в новой куртке, и сказал: «Теперь у нас будет концессия». Тогда радовались: новые сети, новые машины, новые каски. Через год концессия сократила защиты — по одной, по две на район, — и Сомов сказал: «Это политика, не наше дело». Марк тогда поверил. Он тогда верил многому: что схема на стене совпадает с городом и что наряд подписывают перед работой.

Он перелистал папку. Под первым листом лежал второй — такой же, но внизу, под подписью, стояла приписка: «Согласовано. Ветров. 09.01».

Почерк был ровный, школьный, без наклона. Не тот, которым подписывал Сомов.

Марк сфотографировал лист, потом ещё раз, крупно, и набрал Веру.

— Кольцова, — сказала она в трубку так, как отвечают на служебный телефон: коротко и без имени.

— Это Ильин. У меня копия наряда 47/26. С припиской: «Согласовано. Ветров. 09.01».

— Где вы?

— В гараже участка.

— Я еду, — сказала Вера и отключилась.

Она приехала через полчаса, в шапке, с термосом под мышкой; термос поставила на верстак.

— Кто вам это дал? — спросила она.

— Сомов. Сам, добровольно.

— Он понимает, что делает?

— Нет. Он понимает, что с ним делают.

Вера поднесла лист к лампе, прочитала приписку, перевернула и подержала против света.

— Это второй экземпляр, — сказала она. — В деле его нет. Для суда это копия. С копией я не пойду в суд: нужен оригинал с подписью и датой.

— А где оригинал? — спросил Марк.

— В деле. Или в концессии. Или нигде. — Она положила лист и вытерла пальцы салфеткой, которую достала из кармана. — Приписка есть, я вижу. Но приписка — не подпись. Это «согласовано». Кто угодно мог написать.

— Почерк не его, — сказал Марк.

— Почерк — не подпись. Экспертизу почерка суд назначит, если будет дело. А дела нет.

— В понедельник всё будет подписано. Я не смогу это остановить.

— Попробуйте, — сказал Марк. — Хотя бы это.

— Попробую. Но если я попробую и не смогу, я останусь без работы. А вы — без допуска.

— Я понимаю, — сказал Марк, хотя понимал не всё.

— Понимаете. Только это ничего не меняет. — Она натянула шапку. — Я напишу рапорт. Сегодня вечером.

— И это поможет? — спросил он.

— Нет, — сказала Вера. — Но останется.

Она ушла, и в гараже опять стало слышно гудение лампы.

Марк достал телефон и увеличил фотографию. Чернила в приписке были чёрные, а подпись Сомова — синяя. И дата «12.01» была написана чёрной ручкой, той же, что и приписка.

Значит, дату и приписку писали не тогда, когда подписывали. А когда именно — по бумаге не видно. Дальше начиналось то, чего он не мог предъявить.

Он сложил копию и убрал во внутренний карман.

Зазвонил телефон — Ольга.

— Ты где? — спросила она.

— На работе, — сказал Марк, и это было почти правдой.

— На какой?

— Не важно.

— Тебя в понедельник отстранят. Мне сказали в УК. Акт подписан, а ты не успокоился.

— Кто тебе сказал? — спросил он.

— Не важно. — Она выдохнула. — Марк. Может, хватит?

— Не хватит. Я ещё не всё посчитал.

— Тогда не говори мне, что ты на работе.

Ольга не стала ждать ответа.

Он закрыл гараж и повернул рубильник. Лампа погасла с секундной задержкой — так гаснут эфирные лампы, когда контур уже разомкнут.

По дороге домой он свернул на Тополиную и постоял у дома, где жили Ольга и Соня. На третьем этаже горел свет, на кухне двигалась тень. Он не поднялся.

Дома он включил чайник, сел на диван, не сняв куртку, и просидел так, пока не стемнело; чайник щёлкнул и выключился сам. За окном шёл снег, ровный и мелкий.

Он достал телефон и открыл фотографию. Соня стояла на льду, расставив руки, рот открыт — она что-то кричала. Полкадра занимал его собственный палец.

Телефон пискнул. Соня: «Коньки нормальные. Только большие».

Он ответил: «На вырост».

«Я знала», — написала она и больше ничего не добавила.

Отчёт подпишут в понедельник. Это он знал так же точно, как знал, что ТП-4 стоит в инвестиционной программе и что деньги по ней уже освоены.

Телефон пискнул ещё раз. Незнакомый номер.

«В понедельник вас отстранят. Не приходите».

Марк сохранил номер, имя оставил пустым. В списке контактов появилась строка из четырёх цифр, как будто это было имя.

Глава 7. Отстранение

В понедельник Марк пришёл в надзор в восемь сорок. Ждали к девяти, звонила Вера, и голос у неё был ровный, как у человека, который читает с листа. Двадцать минут в коридоре он предпочёл двадцати минутам дома, где до девяти нечего было делать, кроме как перечитывать сообщение с незнакомого номера.

Коридор был длинный, в линолеумную клетку, и холодный ровно настолько, насколько холодным бывает помещение, в котором экономят на отоплении и не экономят на отчётах. Над скамейкой тянул обогреватель — старый, эфирный, с открытой спиралью в кварцевой трубке. На коридор в шесть метров он брал двадцатую часть потока, как две квартиры, и от его тепла отозвалась левая ладонь под бинтом.

Счётчик над ним щёлкал часто и мелко. Пломба на кожухе была свинцовая, из прежних, и номер на ней стёрся до половины: в надзоре экономили на собственных счётчиках, а чужие считали дважды.

Ровно в девять дверь кабинета открылась, и Пахомов сказал из-за стола:

— Ильин, проходите, я жду.

Он был невысокий, плотный, в очках с тонкой оправой. На столе стояли чашка чая и блюдце с печеньем, лежала папка, а над ней горела эфирная лампа под зелёным абажуром. Свет она давала вполнакала, и на папке лежал зелёный круг — ровный, как печать.

Вера стояла у окна. Она не поздоровалась, и Марк здороваться тоже не стал.

— Чаю? — спросил Пахомов, не поднимая глаз от папки.

Марк не ответил. Пахомов не настаивал.

— Техническое расследование по ТП-9 закончено, — сказал он. — Причина — износ изоляции и перегрузка при низких температурах. Отчёт подписан.

— Кем подписан отчёт?

— Мной. — Пахомов поднял глаза, и стёкла на секунду стали белыми от лампы. — Реле осмотрено. На момент аварии оно стояло в ручном контроле. Это штатный режим при регламентных работах.

— При каких именно работах?

— При плановых. — Пахомов перевернул страницу. — На ТП-9 был наряд 47/26.

— Наряд датирован двенадцатым января. Авария — десятого.

— Ошибка в дате. Её отметили в отчёте.

— Кто поставил в наряде дату?

— Тот, кто оформлял наряд. Сомов.

Марк попросил показать папку. Пахомов сказал: нет, вы не сторона. Марк напомнил, что он специалист по договору и оформлен приказом. Пахомов согласился: оформлен, а с сегодняшнего дня не привлечён. Он достал из папки лист и подвинул его по столу двумя пальцами, как двигают счёт.

В приказе по «Магическим сетям» было три строки: отстранить от работ по ТП-9 в связи с конфликтом интересов и нарушением регламента доступа, допуск на объекты концессии приостановить. Дата — девятнадцатое января. Подпись — Пахомов. Печать стояла так, что закрывала половину слова «приостановить». Марк взял лист.

— По какому делу комиссия?

— По факту нарушения регламента.

— Какого?

Пахомов не уточнил.

— Какой конфликт интересов?

— Вы работаете в «Магических сетях». Сеть, на которой произошла авария, — ваша сеть.

— Сеть концессионная. Участок наш — до ТП, дальше концессия. Это нарисовано у вас на стене, вторая схема слева, с пометкой «граница балансовой принадлежности».

— Это вы так считаете, — сказал Пахомов.

— Это схема.

— Ильин. — Пахомов закрыл папку ладонью, но не убрал её. — Давайте без. Есть отчёт. Есть подпись. Есть комиссия. Всё. Дальше — не наша работа.

— Всё? — Марк услышал, что сказал это громче, чем собирался. — Там ребёнок в больнице.

— Двое пострадавших, — поправил Пахомов, и в голосе у него не было ни капли злости. — И оба живы.

— Мальчик жив, потому что я его вынес.

— И это единственное, что вы сделали правильно, — сказал Пахомов, не повышая голоса. — Всё остальное — нет.

Он всё-таки отвёл глаза.

Марк почувствовал, как под бинтом заныла ладонь: он сжал кулак и не заметил когда.

— Я сделал свою работу, — сказал он. — Вы её закрыли отчётом, в котором написано, что сеть сгорела сама.

— В отчёте написано «износ». Это разные вещи.

— Для ребёнка — нет.

Пахомов молчал. Потом посмотрел на чашку, но не взял её.

— А чья тогда работа? — спросил Марк.

— Следственного комитета, если он захочет.

— И он захочет?

Пахомов не ответил, и ответила Вера, не отходя от окна: проверку СК закрыли, постановление от девятнадцатого. Сегодняшним числом. Причина — износ, а износ не преступление.

— А наряд? — Марк шагнул к столу. — Тот, что подписан двенадцатым, с припиской. Дата там чёрной ручкой, и приписка чёрной. Одна ручка на две даты, между которыми три дня. Подпись синяя.

— Вы видели копию. Копия — не документ. — Пахомов приподнял ладонь, не отрывая её от папки. — Кольцова, расскажите про рапорт.

Вера отошла от подоконника и рассказала. Рапорт она написала в субботу вечером — с текстом приписки, с датой, с фамилией. Сегодня в восемь отдала его Алексею Николаевичу лично. Через двадцать минут его не было ни в описи материалов проверки, ни на столе. Блокнот она держала так, чтобы не смять край, и не открыла его ни разу.

— Почему его нет в описи?

— Потому что опись составляла не я.

Пахомов убрал руку с папки.

— Вот, — сказал Пахомов. — Вот так это и работает. Все всё видели. А в деле — ничего.

Он произнёс это без торжества, как человек, который повторяет одно и то же не первый год.

Оставалась четвёртая. Инвестиционная программа, строка девятнадцать: деньги за реконструкцию освоены, работы не начаты. Пахомов перевернул страницу, провёл пальцем по строке и сказал, что ТП-4 — плановый объект, работы начнутся в этом году, а до тех пор — регламент.

— А защита на ней в каком состоянии?

— В рабочем состоянии, — сказал он.

— Вы в этом уверены?

— Я уверен в отчёте. — Пахомов посмотрел на него поверх очков. — Отчёт — единственное, что имеет значение.

Марк упомянул акт по девятому дому, где подпись Пахомова стоит без даты. Тот перестал листать.

— Откуда у вас этот акт? — спросил он резко, и в голосе впервые появилось что-то, кроме регламента.

— Слышал.

— Слышали. — Пахомов снял очки и положил их на папку. — Вот на этом всё и держится. На «слышал».

— Ильин, вы свободны. — Он придвинул к себе чашку. Чай в ней давно остыл. — Допуск приостановлен на всё: и на концессию, и на «Магисети». Появляться на подстанциях запрещено. Появитесь — это будет уже не регламент.

Марк не сразу понял, что это всё. Он всё ещё держал лист.

— Лист, — сказал Пахомов. — Он из папки.

Марк положил лист на стол. Бумага легла поперёк других, и Пахомов, не глядя, поправил её двумя пальцами.

— Вы понимаете, что делаете? — спросил Марк.

— Да, понимаю, — сказал Пахомов. — Я закрываю дело, которое нельзя закрыть иначе.

— Почему вы его закрываете?

— Потому что если его не закрыть, придётся объяснять, почему концессия получила тариф, почему деньги за реконструкцию освоены, почему защиты выведены на четырёх подстанциях. Это уже не про износ. Это про людей в мэрии, у которых есть фамилии и должности. — Пахомов сложил лист в папку. — И вы сейчас хотите спросить, готов ли я на это пойти. Я готов работать. Это разное.

Он сказал это тише, чем всё остальное, и Вера у окна слышала каждое слово. Печенья на блюдце было четыре штуки, все целые, и по ним было видно, что предлагают их не первый раз и не первый раз не едят.

В коридоре его догнала Вера, сказала: «Не здесь», — и пошла к лестнице. Спустились на этаж ниже, в курилку, где вместо пепельницы стояла банка из-под кофе, а на стене висел плакат про ожоги: рука на нём была нарисована так, будто её приложили к горячему и обвели по контуру. Было холодно. Когда наверху включили обогреватель, лампа под потолком просела до жёлтого и снова набрала свет.

Вера сказала, что рапорт был для неё самой, а не для дела: чтобы потом можно было сказать, что она написала. Копию она себе не оставила. Говорила она ровно, как человек, который повторил это про себя несколько раз, пока они спускались.

Марк положил копию наряда на подоконник между ними. Вера не взяла.

— Не давайте мне её. Я не смогу сказать, что не видела.

— Тогда скажите, что вы видели.

— Северин знал, что отчёт подпишут. — Вера посмотрела на банку из-под кофе, потом на плакат, будто выбирала, что из этого менее опасно. — В пятницу, когда предлагал вам работу, он уже знал.

— Откуда вы это знаете?

— Они разговаривают каждый день. Я не смогу это доказать, и вы не сможете.

— Почему вы мне это говорите?

— Потому что я подписала отчёт. — Она сказала это громче, чем нужно, и сама поморщилась. — В восемь пятьдесят. Пахомов положил его мне на стол и сказал: «Вы в комиссии, подпишите». Я могла отказаться.

— Могли, — сказал Марк.

— Я не отказалась. — Она отвернулась к окну. — Теперь мне с этим жить, а вам без допуска.

— Что с этим делать?

— Теперь ничего. Отчёт подписан, проверка закрыта, допуск приостановлен, копия ничего не докажет, а оригинал лежит в деле, к которому меня больше не подпустят.

— Наряд был моим шансом, — сказала она через полминуты. — С нарядом рапорт — документ. Без наряда — мнение. Я его проиграла.

— Зачем вы меня позвали сюда?

— Чтобы вы услышали это сами. В коридоре вы бы не поверили.

Они вышли через служебный вход, на задний двор, где стояли машины надзора — три серых, все с одинаково грязными боками. Вера открыла свою, достала с заднего сиденья термос и бутерброд в бумажке, села на капот и стала есть быстро и аккуратно, держа бумажку под бутербродом.

— С утра ничего? — спросил Марк.

— С самого утра, — сказала Вера.

Она отломила половину и протянула, не глядя. Марк взял. Бутерброд был с сыром и горчицей, и горчица оказалась единственным, что за это утро било в нос.

— Спасибо, — сказал он. — За то, что сказали.

— Я сказала не для вас, — ответила Вера. — Мне нужно было кому-то сказать.

Она села в машину и уехала, не дожидаясь, пока прогреется печка. Стекло по краю уже замёрзло.

В машине Марк минуту сидел, не заводя двигатель. Потом ударил ладонью по рулю — правой, потому что левая была в бинте. На третьем ударе руль отозвался гудком, и женщина у остановки обернулась. Марк опустил стекло и сказал: «Извините». Она отвернулась.

В Следственный комитет он позвонил оттуда же, по номеру из памятки, которую ему дали в первую неделю. Там сказали, что материал уже в архиве и наряда 47/26 в нём нет: есть отчёт надзора, акт комиссии и объяснения — его и Сомова. Когда Сомов их дал, в дежурной части не знали: материал в архиве. Марк спросил про постановление. Ему ответили, что оно от сегодняшнего числа, и это было всё, что о нём можно было сказать по телефону.

Сомов дал объяснения, но не позвонил. Марк написал: «Ты дал объяснения?» Ответа не было.

В полдень он приехал на базу. Приказ выдавал кадровик, которого Марк видел второй раз в жизни, и он же попросил сдать ключи: от шкафа, от служебной машины и от гаража. Пропуск на объекты концессии кадровик пробил дыроколом и подшил в опись первым пунктом. Дырка прошла как раз по воротнику на фотографии, сделанной восемь лет назад.

Кадровик спросил про тепловизор: казённый?

— Свой, — сказал Марк. — Покупал в девятнадцатом, чек дома.

— Напишите, что прибор личный, претензий нет. — Кадровик подвинул лист и ручку. — И ещё: появляться на объектах запрещено. Появитесь — это будет уже статья.

— Какая статья?

— Не знаю. Но статья есть.

Костя стоял у стены и смотрел в пол, заранее согласный со всем, что сейчас услышит.

— А мне что делать? — спросил он.

— Работать. Тебя не отстранили.

— А вас?

— А меня отстранили, — сказал Марк.

Ключ от гаража он отдал последним — тяжёлый, с квадратной головкой, — и кадровик, пересчитав связку по описи, положил его в конверт отдельно от остальных.

На улице было минус пятнадцать и шёл снег. Костя вынес его вещи: сумку, тепловизор, каску с наклейкой «Ильин» — и сложил в багажник. Потом постоял рядом, глядя, как в дверях базы курят двое из второй бригады, и сказал, что знал про ферму. Говорил он в сторону, не Марку, и стряхивал снег с рукава, хотя снега на рукаве не было.

— Не про аварию. Про ферму. Мне ребята сказали, что на Тепличном можно подработать — предупреждать, когда проверка. Я два раза предупредил. В декабре.

— Ты понимаешь, что это соучастие?

— Я знаю.

— Тогда почему я узнаю об этом только сейчас? — Марк сказал это громче, чем собирался.

— Потому что вас отстранили. — Костя не отвёл глаз. — Я думал, вы меня спросите. А вы не спросили.

Марк спросил имена. Костя назвал двух — оба из второй бригады, оба работают на объектах концессии, — и добавил, что денег ему не заплатили, обещали и кинули.

— Короче, кинули, — сказал он. — Как всегда.

— Напиши объяснение. Пока не спросили. Придёшь в надзор и напишешь.

— А меня посадят?

— Не посадят. Но без работы можешь остаться.

— А вы как же? — спросил Костя.

— А я уже, — сказал Марк.

Костя пошёл к остановке, не оборачиваясь, и на середине дороги поднял капюшон.

Дома Марк сел на диван, не сняв куртку, и стал смотреть в стену. В стене гудел стояк. В прихожей щёлкал счётчик — старый, эфирный, с пломбой на кожухе, которую он не менял с ремонта. На холодильнике висел Сонин рисунок: дом, столб и птица на проводе, и птица была больше дома.

В дверь постучала соседка из третьей комнаты и сказала, что у неё мигает свет, а электрика не дозваться. Марк взял отвёртку, посмотрел щиток в прихожей: контакт на нуле был ослаблен и грелся. Он подтянул винт, проверил лампу и сказал, что теперь будет держаться. Соседка спросила, сколько с неё. Он сказал: ничего. Она сказала, что так нельзя, и принесла банку сметаны. Банку он поставил в холодильник, к рисунку.

Он открыл на телефоне вакансии, закрыл, открыл снова. В городе требовались электромонтёры, водители и один человек в ритуальное агентство — с опытом работы и стрессоустойчивостью. Марк подумал, что стрессоустойчивость у него теперь есть, а опыта в ритуальном агентстве нет, и закрыл телефон.

Позвонила Ольга и спросила, правда ли его отстранили.

— Правда. До комиссии.

— А когда комиссия?

— Не сказали.

— А с деньгами что?

— Пока ничего не сказали.

— В среду у Сони утренник, — сказала Ольга. — В одиннадцать. Она снежинка, и она уже неделю про это говорит.

— Приду.

— Она просила не опаздывать. Не мне — тебе.

— Я приду в десять сорок.

— И ещё. Мне сегодня звонили из концессии. Спрашивали, не говорил ли ты со мной про акт.

— Что ты ответила?

— Что ты со мной не разговариваешь.

— Это почти правда, — сказал Марк.

— Это правда. Ты со мной не разговариваешь. Ты только сообщаешь.

Короткие гудки он дослушал до конца, хотя слушать там было нечего.

Через минуту телефон зазвонил снова: Соня — спросить, придёт ли он, и сказать, что костюм снежинки стоит дорого.

— Сколько?

— Три тысячи двести, — сказала она. — И блёстки отдельно, четыреста. Мама сказала, что блёстки можно не брать, но без блёсток это не снежинка.

— Куплю с блёстками.

— Обещаешь, — сказала она. — А потом не приезжаешь.

— В среду приеду. В десять сорок.

— Мама сказала, что тебя уволили. Это правда?

— Не уволили. Отстранили. Это как отпуск, только без денег.

— А ты найдёшь другую работу?

— Найду.

— А если не найдёшь?

— Тогда буду больше с тобой.

Она засмеялась и сказала, что он врёт, но что она его всё равно приглашает. Потом сказала, что снежинки танцуют первыми, и если он опоздает, то увидит только хвост.

В двенадцать минут первого позвонила Алла, и в трубке сразу стало слышно пульт.

— Марк. Четвёртая горит.

Зуммер шёл длинный, аварийный, не тот, что при перегрузке.

— Какая четвёртая?

— ТП-4. В Центре. Только что. Защита выведена по наряду. Вечером.

— Кто сейчас на выезде?

— Вторая бригада. Они уже там.

— Я еду, — сказал Марк.

— Тебя отстранили. Тебе туда нельзя.

— Знаю.

— Я поэтому и звоню, — сказала Алла. — Чтобы ты не приехал.

Он взял ключи и вышел, не заперев дверь. Через двадцать минут он был в Центре. Улицу перекрыли за два квартала, и последние два он шёл пешком по чужому льду: дворники за день посыпали только половину, и вторая половина блестела, как каток после третьего потока.

Горело не небо, а снег над крышами: зарево стояло ровное, оранжевое, и в нём медленно крутилась крупа. ТП-4 стояла в глубине двора. Из окон шёл дым, над крышей дрожал воздух, и в дыму плясали искры — белые, как от сварки. Так горит шлак, когда контур рвётся под нагрузкой.

У оцепления стояли пожарные, полиция и скорая. Пахло озоном и горелой изоляцией.

Вера говорила по телефону у машины надзора. Увидев его, она опустила трубку.

— Вам здесь нельзя быть. Вы понимаете, что это статья?

— Понимаю.

— Тогда зачем приехали?

— Приехал посмотреть, — сказал Марк.

Она посмотрела на него, но спорить не стала.

— Кто был внутри?

— Никого. Успели вывести. — Вера сунула трубку в карман. — Квартал без тепла.

— А защита на ней?

— Выведена. Нарядом. Датирован вчерашним утром.

— Чьим нарядом?

— Нарядом Сомова, — сказала Вера.

Марк стоял и смотрел на огонь; снег таял на лице, и холодно не было. Вчера утром подписали отчёт про износ — и тем же утром датировали наряд на вывод защиты с четвёртой. Он спросил, в какое время наряд передали на ТП-4. Вера ответила, что в деле стоит только дата.

Сомов стоял у пожарной машины, в ватнике, без шапки. Снег лежал у него на плечах и не таял. Он смотрел на ТП-4 и не двигался, и Марк подошёл к нему со стороны двора, чтобы не идти через лужу.

— Пётр Ильич, — сказал Марк.

— Я не подписывал.

— Что вы сказали? — переспросил Марк.

— Наряд. Я не подписывал.

Марк спросил, кто тогда. Сомов сказал, что вчера в восемь утра ему позвонили и сказали, что наряд на ТП-4 уже есть, с его подписью, и что защиту по нему снимут в тот же день. Он спросил: как есть? Ему ответили: так надо.

— Я мог позвонить Пахомову. Мог в надзор. — Сомов смотрел на огонь. — Я не позвонил. Я подумал: если не я, придёт другой и подпишет не глядя. И будет то же самое, только без меня.

Марк спросил про подпись: кто мог её поставить. Сомов долго молчал; в свете зарева лицо у него было оранжевым, как на плохой фотографии.

— Тот, кто ставил её раньше, — сказал он. — Я не знаю, как его зовут. Я его ни разу не видел.

— А как вы узнаёте, что это он?

— По дате. На том наряде, в гараже, стояло «12.01» — через точку. А я тридцать лет пишу через дефис. Почерк подделать можно, а привычку — нет.

Марк стоял рядом. Огонь гудел ровно, как большой прибор, и на льду под ногами хрустело.

Копия наряда лежала у него во внутреннем кармане. Подпись на ней была синяя, а дата чёрная. Он держал эту бумагу в руках в субботу, видел две ручки и не связал чёрную дату с чужой рукой.

Он шагнул за оцепление.

Акт II

Глава 8. ТП-4

Его взяли за локоть сразу, как только он шагнул за ленту, и развернули спиной к огню. Полицейский в шапке с опущенными ушами попросил документы и посветил фонариком, который держал в зубах. Фамилию он знал по ночной сводке — той, где перечисляют, кого не пускать, — а лицо видел впервые.

— Ильин? Это вас отстранили?

— Меня, — сказал Марк. — С понедельника.

— Тогда назад, за ленту, и не спорьте.

— Это моя подстанция. Я её обслуживаю.

— Уже нет, — сказал он. — С понедельника.

Он сказал это без злорадства: не ему было решать, что закрыто. Рация на плече щёлкнула, и он ответил в неё то же самое, только короче. Марк не двинулся. За лентой, в глубине двора, в дыму ходили пожарные — уже не бежали, просто ходили, — и это было единственное хорошее, что он увидел за ночь: люди в тяжёлых куртках ступали по льду, залитому водой, и падали бы, если бы не держались друг за друга и за шланг.

У ленты стояли человек десять в куртках поверх домашнего, и никто не ругался: в начале второго ругаться холодно. Сомова у пожарной машины уже не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.